РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В. Л. Ларин

Азиатско-Тихоокеанский регион в начале XXI века вызовы, угрозы, шансы Тихоокеанской России

Владивосток
ДВО РАН
2010

УДК:327.1(571) (5-012)

Ларин В.Л.
Азиатско-Тихоокеанский регион в начале XXI века: вызовы, угрозы, шансы Тихоокеанской России. — Владивосток : ДВО РАН, 2010. — 100 с.

ISBN 978-5-7442-1490-6

Аналитический доклад посвящен проблемам и препятствиям, возникающим в процессе реализации политики России по интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион и Восточную Азию и развитию восточных районов России. Внимание акцентировано на нынешних и потенциальных угрозах интересам и безопасности России на востоке страны, месте и роли АТР и Дальнего Востока в политике Российского государства. Содержатся предложения по созданию благоприятных условий для успешной реализации этой политики.

Ключевые слова: *Азиатско-Тихоокеанский регион, Тихоокеанская Россия, безопасность, внешняя политика, интеграция.*

Larin V.L.
Asia-Pacific at the Beginning of 21st Century: Challenges, Threats and Chances for Pacific Russia. — Vladivostok : FEBRAS, 2010. — 100 p.

The book is devoted to the problems and obstacles appeared on the way of Russia's attempts to be integrated in the Asia Pacific region and to develop its eastern territories. The main accent is made on current and potential threats to the interests and security of Russia in the East part of the country, the place and role of Asia Pacific and the Russian Far East in the Russia foreign and domestic policy. Concrete proposals to create favorable conditions for this policy realization are included.

Key words: *Asia-Pacific region, Pacific Russia, security, foreign policy, integration.*

Рекомендовано к печати Президиумом Дальневосточного Отделения РАН

Подготовлено при поддержке грантов Отделения общественных наук РАН (09-I-ООН-02) и Дальневосточного отделения РАН (09-III-А-11-556)

ISBN 978-5-7442-1490-6

© В.Л. Ларин, 2010
© Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Шаги на Восток 7
Тенденции 11
Причины и следствия 17
Вызовы и угрозы 24
Шансы 44
Решения 48

Примечания 57

Материалы обсуждения 69

Предисловие

Побудительным мотивом к этой публикации стало выступление автора на заседании Президиума Дальневосточного отделения РАН 8 октября 2009 г. Доклад не только вызвал большой интерес, но и получил рекомендацию к публикации в качестве отдельного издания и последующего распространения среди лиц, причастных к формированию и реализации политики России в АТР. В целях уточнения ряда положений доклад в несколько ином виде был представлен на очередном научно-практическом «круглом столе», организованном отделом международных отношений и проблем безопасности Института истории ДВО РАН 11 ноября 2009 г. Тогда в его обсуждении приняли участие как члены академического сообщества г. Владивостока, так и практики — представители законодательных и представительных органов власти и дипломатических кругов.

Данная публикация подготовлена на основе существенно переработанных, дополненных и снабженных необходимыми комментариями двух докладов — на заседании Президиума и «круглом столе». В ней также представлена сокращенная стенограмма обсуждения на втором из этих заседаний. Материалы дискуссии сами по себе представляют немалый интерес, поскольку демонстрируют как общие подходы дальневосточников к оценке политики России и состояния дел в сфере международных отношений и безопасности в регионе, так и различия в их взглядах на отдельные аспекты существующих здесь проблем.

Издавая эти материалы, мы прежде всего выражаем надежду, что они будут способствовать формированию эф-

фективной политики Российского государства в регионе, адекватной как реалиям Восточной Азии АТР, так и возможностям и интересам самой России. Мы рассчитываем, что они помогут российским политикам и управленцам всех уровней увидеть и объективно оценить свои успехи и недостатки в формировании и реализации этой политики, лучше представить и понять специфику этого сложного региона, будут способствовать становлению новой России как подлинно евразийской и тихоокеанской державы.

Автор выражает искреннюю благодарность всем лицам, ознакомившимся с текстом доклада, принявшим участие в его обсуждении и высказавшим без преувеличения ценные замечания и рекомендации по его совершенствованию.

Шаги на Восток

Российскому политическому, экспертному и научному сообществу, для которого предназначена эта работа, доказывать роль и значение Азиатско-Тихоокеанского региона[1] или Восточной Азии в современном мире нет необходимости. Одно только упоминание о Китае расставляет все по своим местам. В то же время актуальность полнокровного присутствия России в этом регионе очевидна не для всех. Еще сложнее дело обстоит с восприятием Тихоокеанской России, о миссии которой существуют полярные мнения. Одни отводят ей роль спасителя отечества, другие считают обузой на пути приобщения Российского государства к европейскому цивилизованному миру. Неудивительно, что реакция на шаги по развитию Дальнего Востока и «интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион», предпринимаемые в последние годы руководством страны, различна — от верноподданнического восторга до жесткой, хотя и осторожной критики.

Две конкретных акции Кремля и правительства последних лет заставили даже самых больших скептиков заговорить о серьезности их намерений: решение о проведении Саммита АТЭС 2012 г. в г. Владивостоке[2] и утверждение исправленного варианта федеральной целевой программы "Развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года" общей стоимостью около 700 млрд. руб[3]. Проведение во Владивостоке форума АТЭС — это, по сути, знаковое событие, призванное продемонстрировать миру решимость России твердо обосноваться в тихоокеанском регионе.

Вторая цель проведения форума на краю российской земли — больше для внутреннего пользования: «...еще раз обратить внимание на развитие Дальнего Востока, использовать административные и финансовые ресурсы... чтобы превратить столицу Приморья в крупный и влиятельный центр международного экономического и гуманитарного сотрудничества»[4].

Мотивы, которыми руководствуются лидеры государства, определяя алгоритм развития Дальнего Востока и политики России в АТР, проявляются достаточно четко. Они основываются на понимании сущности национальных интересов и угроз безопасности России, исходят из базовых представлений российской политической элиты о будущем мира и Российского государства. И представления эти весьма прагматичны. Инициатор осуществления «новой восточной политики» России В. Путин в бытность свою президентом страны сформулировал взгляд на Сибирь и Дальний Восток как «стратегический резерв выживаемости России в XXI в.», не раз заявлял, что без освоения этих территорий России великой державой не быть, а их сохранение и развитие невозможно без экономической интеграции с АТР[5]. Главной посылкой к решению Совета Безопасности Российской Федерации от 20 декабря 2006 г. о необходимости ускоренного и комплексного развития дальневосточного региона стала оценка ситуации в регионе как угрожающей национальным интересам России. Эти представления и опасения породили появление усиленного варианта ФЦП «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья», призванного если не полностью устранить существующие угрозы, то хотя бы улучшить существующее положение.

Один из первых документов стратегического характера, утвержденных нынешним Президентом России Д. Медведевым, — Концепция внешней политики Российской Федерации (12 июля 2008 г.)[6] — подтвердил намерение Москвы

использовать потенциал и возможности Азиатско-Тихоокеанского региона для экономического подъема Сибири и Дальнего Востока и тем самым закрепить «принадлежность России к этому динамично развивающемуся району мира». Да и сам президент, обращаясь к азиатским делам, напоминает о заинтересованности России в том, «чтобы Сибирь и Дальний Восток были самым непосредственным образом вовлечены в региональную интеграцию»[7].

Твердо обозначенная позиция высшего руководства страны и сложные отношения с европейскими потребителями заставили повернуться лицом к востоку структурообразующие отрасли российской экономики — нефтяную, газовую и железнодорожную. В появившихся в последние годы отраслевых стратегиях (Энергетическая стратегия России до 2020 г., Стратегия развития железнодорожного транспорта России до 2030 г., Восточная газовая программа Газпрома до 2030 г. и др.) объекты ДВФО занимают особое место. Поворот этот может стать для России (без преувеличения) судьбоносным. Вывод нефте- и газопроводов на южное побережье Приморья имеет для российского продвижения в Азию столь же важную стратегическую значимость, какую имело возведение Транссибирской магистрали на рубеже XIX – XX вв.

Таким образом, симптомы не первого в истории обострения интереса России к делам на Востоке налицо, как и попытки восстановить свое утерянное после распада СССР влияние на Тихом океане. Каковы бы ни были к тому основания, очевидно, что нынешнее решение Москвы об укреплении тихоокеанского вектора внешней политики и развитии Тихоокеанской России не является политическим популизмом. Это вполне осознанный и продуманный ход.

Громкие шаги власти и бизнеса России на восток уже породили определенную эйфорию в СМИ, политических кругах, части научного сообщества. Председатель Госдумы РФ Б. Грызлов заявил о «переломе» в подходе государства

к проблемам Дальнего Востока, который, по его мнению, нашел отражение и в бюджете, и в деятельности всех министерств и ведомств[8]. Быстро сориентировались и чиновники: у них стало хорошим тоном вспоминать о Дальнем Востоке, демонстрировать свою заинтересованность и даже причастность к развитию восточной окраины России. Глава Счетной палаты С. Степашин назвал «эффективное развитие Дальнего Востока» «одним из национальных приоритетов для нашей страны»[9]. Переориентироваться на Восток призывал бывший министр сельского хозяйства А. Гордеев, порекомендовав сельхозпроизводителям искать новые рынки в Китае, Вьетнаме и Японии[10]. Свои рецепты решения демографических и социальных проблем региона предлагали глава МЧС Сергей Шойгу, мэр Москвы Юрий Лужков и другие высокопоставленные лица[11].

Тем не менее о реальном переломе говорить еще рано. Вопросов о будущем Дальнего Востока, содержании политики России в АТР возникает немало. Означают ли эти действия начало новой партии Кремля в большой геополитической игре, которая сегодня затевается в восточном полушарии нашей планеты, или же маневры на Востоке — это лишь продолжение многовекового соревнования с Западом? Какова их конечная цель? Очевидно, что экономическое присутствие в регионе — это не самоцель, а лишь средство. Но средство для чего? Спасения Европейской России или возрождения могучей державы? Реального освоения богатств Востока в интересах России или обогащения Запада? Насколько последовательной будет эта политика и на какие жертвы готова пойти Москва в Европе, чтобы утвердиться в Азии? Каковы пределы наших желаний и границы наших возможностей?

Первые шаги Кремля в этом направлении, особенно реакция на них большей части российского общества, убеждают, что трубить в фанфары преждевременно. На пути

на Восток немало рытвин, ухабов, барьеров как естественных, так и рукотворных, многие из которых представляются пока труднопреодолимыми. И главных причин две. Первая из них — ракурс восприятия российским обществом и государством Восточной Азии и собственной азиатской периферии. Очевидно, что попытки сближения России со странами Восточной и Южной Азии, особенно предпринятые в последние годы меры по интенсивному освоению восточных районов России через интегрирование их в экономику АТР, рушат устоявшиеся в обществе шаблоны и стереотипы, привычный образ жизни и поведения людей, традиционную российскую систему культурных ценностей и мировых координат. Такое ниспровержение глубоко укоренившихся устоев, особенно в нынешних условиях незавершенности процесса самоидентификации России и россиян, гарантированно обеспечивает противодействие внутри страны, преимущественно скрытое и пассивное, но от этого не менее действенное.

Вторая причина — отношение к России в Восточной и Юго-Восточной Азии, в той самой, которая определяет будущее Азиатско-Тихоокеанского региона. Противников активного присутствия России в регионе как среди азиатских политиков, интеллектуалов, предпринимателей, так и на обывательском уровне предостаточно. Россию опасаются и не любят, элементарно не знают и не понимают. И на преодоление этого противодействия, даже если к этому прилагать активные усилия, уйдут десятилетия.

Тенденции

Азия — особый регион, в котором европейцам удержаться непросто. Не удалось это ни португальцам, которые первыми в XVI в. открыли для Европы «крайнюю

Азию», ни испанцам, ни французам, ни англичанам. Победа над Японией и «холодная война» дали такой шанс США, которым они воспользовались в полной мере. После исчезновения «советской угрозы» у Вашингтона остались три прочных «якоря», удерживающих «американский авианосец» у азиатских берегов: Тайвань, корейская проблема и экономическая взаимозависимость. Последний — самый прочный: американская экономика пришвартована к восточноазиатским берегам крепчайшими торговыми, кооперационными, инвестиционными и прочими канатами[12]. Первые два якоря не слишком надежны, поэтому Вашингтон активно выковывает еще один: «рост мощи Китая» и «китайскую угрозу».

Пример Соединенных Штатов Америки и собственный опыт присутствия в Азии служат основой для нынешнего выбора средств и путей укрепления позиций России в регионе[13]. Более того, порой складывается впечатление, что именно фактор США (их политика в Европе, активизация действий в регионе , а также углубление американо-китайских отношений) подталкивает Москву к более решительным действиям на Тихом океане.

Начиная с памятной речи М. Горбачева во Владивостоке в 1986 г., а затем Федеральной целевой программы развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996—2005 гг., экономическая интеграция с АТР декларируется в качестве основополагающей цели развития восточных районов России. Одновременно Москва предпринимает усилия, чтобы зафиксировать российское присутствие в восточноазиатском политическом и экономическом пространстве. Делается это по трем направлениям: через участие в региональных межправительственных организациях, установление и поддержание политических отношений со странами региона, развитие двусторонней торговли. Безусловно, определенный прогресс достигнут во всех

областях: Россия стала членом Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС) и Азиатского регионального форума (АРФ), вышла на уровень диалогового партнерства и проведения саммитов с АСЕАН, существенно увеличила объемы торговли со странами Азии[14], поддерживает интенсивные политические контакты на высшем уровне с большинством государств.

Однако достигнутые результаты не позволяют говорить об успешном выполнении поставленных задач. Ни Россия в целом, ни ее восточные (тихоокеанские) районы не смогли занять заметного места в международной торговле и на рынке капиталов АТР, Россия «...продолжает оставаться на периферии экономической интеграции в Северо-Восточной Азии и в Восточной Азии в целом»[15]. Ни для одного из государств АТР экономические связи с Россией не играют сколько-нибудь заметной роли: во-первых, масштабы этих связей в разы меньше объемов экономических отношений стран АТР между собой или с государствами Европейского сообщества; во-вторых, в них преобладает простой товарообмен (преимущественно сырья на готовую продукцию), практически отсутствует производственная кооперация, а потоки взаимного движения капиталов и рабочей силы просто мизерны[16].

В то же время именно производственная кооперация, основанная на взаимных инвестициях, стала важнейшим источником быстрого роста азиатских, в том числе китайской, экономик. Второй успешной формой интеграции в регионе становятся соглашения о свободной торговле[17]. Ни в том, ни в другом Россия практически не участвует.

Объективные трудности в решении провозглашенных экономических задач, привычные и традиционные шаблоны восприятия АТР и Восточной Азии, а также подходы к ним неизбежно приводят к тому, что Москва использует свое членство в региональных структурах (АТЭС, АРФ)

преимущественно в целях достижения глобальных политических и стратегических целей, прежде всего для подтверждения статуса великой державы. Лишь в мизерной степени это членство способствует решению провозглашенной Кремлем цели — поднять степень политического и хозяйственного сотрудничества с регионом АТЭС «...до уровня, ранее достигнутого Россией в Европе»[18].

Еще одна важная проблема заключается в том, что политическая и дипломатическая платформы для интеграции с АТР, полнокровного участия России в азиатских делах, создаваемые членством России в региональных организациях, участием в двусторонних и многосторонних саммитах, встречами на уровне министров, по сегодняшний день не имеют ни идеологических, ни стратегических, ни прочных организационных и управленческих основ. Реальный интерес и стремление Кремля к многостороннему сотрудничеству в Восточной Азии пока не воплотились в ясное понимание модели этого сотрудничества, в создание разветвленной сети каналов и средств для реального в нем участия. Несмотря на долгие разговоры, российская политическая и властная элита так и не смогла сформулировать представление о роли и месте России в восточноазиатском цивилизационном и экономическом пространстве. Как следствие, не сформированы стратегия России в Восточной Азии в целом, основы политики в отношении ключевых стран региона. Эта политика строится спонтанно, зачастую на ощупь, отталкиваясь от благих желаний, смутных представлений и каких-то личных симпатий и интересов.

Более того, инициатива высшего руководства слабо подкрепляется конкретными действиями среднего и низшего звеньев управления и расшатывается низким уровнем исполнительской дисциплины. Очевидно, что

существующего в российской административно-политической элите «про-АТРовского потенциала» недостаточно для воплощения идей и задач, сформулированных высшим руководством страны. При этом возможности Тихоокеанской России, наиболее заинтересованной в реализации поставленных центром задач, используются слабо и неупорядоченно.

Стихийные интеграционные процессы на региональном уровне происходили в последние полтора десятилетия в приграничных районах России и Китая[19]. Однако эти процессы скорее пугают, чем вдохновляют центральную власть. Отражая существующие в столице представления, московские аналитики сообщают о превращении российского Дальнего Востока «в часть интеграционного поля Китая... в часть китайской экономики»[20] как уже о состоявшемся факте, пугают угрозой китайской экономической интервенции, захватом китайцами российского бизнеса с последующим подчинением региональной власти, «которая даже в условиях «вертикали власти» по многим вопросам остается достаточно самостоятельной и неподконтрольной Москве»[21].

Все это — несомненное преувеличение, если, конечно, не считать всем Дальним Востоком Амурскую и Еврейскую автономную области, а также Забайкальский край, где влияние Китая действительно велико. Тем не менее последние действия российского правительства — прессинг против китайских торговцев и рабочих, российских челноков и «помогаек» — скорее разрушают, чем укрепляют эти пусть не идеальные, но реально существующие интеграционные модели. В этих действиях в очередной раз проявились как различия во взглядах и интересах центра и региона, так и легкость, с которой интересы последнего приносятся в жертву большим деньгам и «большой политике».

Как недавно признал министр иностранных дел РФ С. Лавров, «...меры по укреплению экономической связки восточных регионов России с АТР остаются недостаточно эффективными, запаздывают, осуществляются несбалансированно. В результате наше внешнеполитическое «наступление» в АТР оказывается без должного торгово-инвестиционного подкрепления, не может опереться на крепкие экономические «тылы»[22]. Так и выходит, что лозунги об интеграции России в АТР, которые громко звучат уже более 20 лет, остаются во многом благими пожеланиями, не имеющими под собой ни серьезных материальных основ, ни внятной идеологии, ни хотя бы контуров стратегии. Россия и сегодня не ближе к реализации давней своей мечты о превращении в Тихоокеанскую державу (не географически, а политически, экономически, культурно), чем 100 или 150 лет тому назад, когда она только овладела Приамурским краем.

Неудивительно, что в качестве серьезного игрока на АТРовской площадке Россию не принимают. Отсутствие реального экономического взаимодействия с большинством стран Азии стало препятствием к ее членству в Восточноазиатском саммите (ВАС)[23]. Как признался бывший Генеральный секретарь АСЕАН, организации, ставшей инициатором создания этой структуры, Он Кен Ён, Россия не отвечает одному из трех требований, предъявляемых к участникам: наличию реальных и прочных связей с АСЕАН, прежде всего экономических[24].

Если определенный политес на высшем уровне еще соблюдается и статус и потенциал России как глобальной державы не позволяет мировым и региональным лидерам игнорировать ее интересы и участие, то на уровне экспертного, академического сообщества и массового общественного сознания настроения царят иные. На 380 страницах одной из последних коллективных моногра-

фий, подготовленной группой американских, азиатских и европейских исследователей и посвященной азиатской интеграции, Россия упоминается лишь три раза, и то в связи с деятельностью Шанхайской организации сотрудничества[25]. Заглянув на известный интернетовский сайт «Wikipedia», любопытный читатель, конечно, обнаружит Россию на страничке «Asia Pacific» (ATP), но только в списке «иногда включаемых» в число государств этого региона. Мой собственный опыт участия в симпозиуме по безопасности в Восточной Азии, проходившем на «высоких площадках» Токио, Джакарты, Куала-Лумпура и Бангкока в июне 2009 г., а также конференции по вопросу о создании Азиатско-тихоокеанского сообщества в Сиднее в декабре этого же года, свидетельствует, что большинство стран региона не видит Россию в качестве реального и полноправного участника региональных процессов интеграции.

Никак не находит отклика у азиатских политиков периодически предлагаемый Москвой образ России как «моста между разделенными Востоком и Западом»[26], хотя бы по той причине, что их собственные связи с Западом куда прочнее и обширнее, чем у самой России. Достаточно сказать, что совокупный объем торговли Китая с США и 27-ю странами Европейского сообщества (759,9 млрд. дол. в 2008 г.) превышает весь объем внешней торговли Российской Федерации (735 млрд. дол.).

Причины и следствия

По моему глубокому убеждению, главная причина большинства неудач России на Востоке — это отсутствие в государстве критической интеллектуальной массы, необходимой для подготовки, принятия и (самое главное)

реализации адекватных политических, социальных и экономических решений в отношении как всего Азиатско-Тихоокеанского региона, так и восточных районов России. Вторая важная причина — глубоко укоренившиеся в подсознании россиян пиетет перед Западной Европой и чувство превосходства над Азией; третья — личная незаинтересованность столичной бюрократии в укреплении восточного вектора российской политики: слишком далеко, слишком непривычно, слишком трудно.

Традиционная и естественная западная (европейская) ориентация российской политической и экономической элиты (и не только московской, но и местной, дальневосточной) усугубляется (а частично и определяется) незнанием, непониманием и неприятием реалий конфуцианского Востока. Сегмент академического сообщества России, ориентированный на изучение современной Восточной Азии и реально привлекаемый властью к формированию восточноазиатской политики, во-первых, столь мал, что не может оказывать заметного влияния ни на формирование и принятие политических решений в отношении этого региона, ни на восприятие его населением страны; во-вторых, сконцентрирован в пределах Московской кольцевой, откуда проблемы региона видятся под определенным углом зрения[27]; в-третьих, вследствие академических и образовательных реформ в стране катастрофически стареет и численно сокращается.

В практической сфере лишь два департамента российского МИДа остаются небольшим островком внешнеполитической деятельности, на котором пытаются ставить и решать проблемы региона. Но они не всесильны и ограничены выполнением текущих и практических задач. В то же время «специалистов» по Восточной Азии и лихих экспертов, готовых за оговоренные суммы либо просто ради саморекламы дать любую справку, сделать

требуемый прогноз или сочинить нужную заказчику программу, развелось немало. Они деятельны, энергичны, всеядны, безапелляционны и поэтому пользуются спросом и вниманием как в центре, так и на местах.

Незнание и непонимание реалий далеких от Москвы окраин, как Дальнего Востока, так и Восточной Азии в целом, но осознание необходимости каких-то действий влекут за собой принятие властью ошибочных и, по сути, популистских решений которые стоят России времени, денег и репутации. Как метко заметил А. Богатуров, имеет место быть «...обычная практика полуинтуитивного-полусознательного реагирования власти на те изменения международной среды, на которые просто уже невозможно не реагировать», в том числе «...на превращение энергоносных месторождений Восточной Сибири в главный резерв национального развития и национального богатства России»[28].

Такое реагирование оборачивается непоследовательной и противоречивой энергетической политикой на Востоке, которую зарубежные эксперты оценивают как «контрпродуктивную», углубляющую недоверие к Москве в странах Азии и «...только разрушающую более важные геостратегические цели России»[29]. Щепетильные японцы напуганы столкновением «с истинной сущностью российского ресурсного национализма»[30], «стратегические партнеры» китайцы сетуют, что принципы российской политики в Азии «...часто бывают диаметрально противоположны»[31], а руководители Японии, Китая и Южной Кореи ведут диалог о взаимодействии в энергетической сфере, в том числе и чтобы противостоять диктату со стороны северного соседа. Кстати, именно «возрождение великодержавных амбиций России, подкрепленных сильной экономикой» многие азиатские эксперты считают исходным моментом для оценки вне-

шней политики России в целом и ее действий в Восточной Азии, в частности[32].

Аналогичным образом решаются ключевые проблемы восточных районов России. Наконец-то осознав, что депопуляция Дальнего Востока является угрозой безопасности государства, правительство включило его южные районы в Программу переселения соотечественников из-за рубежа. За два года реализации программы (2007—2008 гг.) в регион рискнули приехать лишь три десятка семей, да и те испытывают серьезные материальные затруднения. Переселенческая программа с треском провалилась прежде всего потому, что «интересы государства и иммигрантов при выборе мест нового вселения кардинально расходятся»[33].

Кроме того, в современной России имеет место быть глубокая пропасть между политическими и экономическими решениями, адекватными вызовам с Востока, и невосприимчивостью этих решений большей частью российской политической элиты и бюрократии, что ведет к фактическому игнорированию и саботированию их исполнения. Такая необязательность характерна как для «внутреннего пользования», так и в реализации международных договоренностей. В первом случае достаточно оценить результативность программ по развитию Дальнего Востока и Забайкалья или сравнить реальные достижения России в АТЭС с положениями концепции этого участия, утвержденными Президентом России В.В.Путиным в ноябре 2001 г.[34]; во втором — степень выполнения российско-китайских договоренностей о строительстве моста через Амур в районе г. Благовещенска (от 26 июня 1995 г.), об упрощенном пропуске в торгово-промышленные комплексы на границе (март 1998 г.) или коллизии с маршрутом нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан.

В нынешних представлениях Кремля о внешних угрозах и задачах обеспечения национальной безопасности России восточное направление отсутствует напрочь. Евро-атлантическая безопасность, как свидетельствуют Послания Президента Д. Медведева Федеральному Собранию РФ (ноябрь 2008 и 2009 гг.), его выступление на конференции по мировой политики в Эвиане (8 октября 2008 г.), а также последний вариант *Концепции национальной безопасности России* (май 2009 г.) — это не просто акцент во внешней политике руководства страны, а всепоглощающая страсть[35]. Азиатско-Тихоокеанский регион, откуда угроз мировой безопасности и стабильности проистекает намного больше, чем из Европы, в этих документах не упоминается вообще. Единственное исключение — обстановка на Корейском полуострове как один из тревожных факторов мировой политики. В то же время все главные внешние угрозы национальной безопасности России, упомянутые в концепции (политически нестабильные территории, дисбаланс в энергетических возможностях и потребностях, распространение ядерного оружия, терроризм, трансграничная организованная преступность), легко обнаруживаются и в Восточной Азии.

Все это еще раз подтверждает наблюдения некоторых зарубежных экспертов, что основой для принятия политических решений об активизации политики России на Востоке, сближения с Китаем и Индией стали не идеи евразийства или стремление стать частью Азии, а новый виток конфронтации с Западом, стремление установить с ним равноправные отношения и сохранить особое место России в мире. Как метко заметил Ричард Саква, «Россия... желает быть частью Запада, но на своих условиях. В то время как Запад хочет иметь Россию в качестве младшего партнера, Россия настаивает, что она —

отдельная держава со своими правами». Россия, по его мнению, не стремится стать альтернативой Западу. Она просто желает автономии в пределах западного мира[36].

Итак, хотя *Концепция внешней политики Российской Федерации* 2008 г. позиционирует Россию как «евразийскую державу» и декларирует «многовекторность» ее внешней политики, европейский акцент в ее мировосприятии и реальной политике очевиден. Чем этот крен опасен для России в целом и для тихоокеанской ее составляющей, в частности? Если коротко, то большой вероятностью не попасть на евразийский поезд, который уже набирает скорость и устремляется в будущее, хотя бы потому, что локомотив этого поезда построен в Азии, а творцы российской внешней политики не могут определить ни маршрута, ни расписания, ни станции, на которой им садиться. В условиях, когда Запад по-прежнему смотрит на России как на Азию, а Восток, напротив, как на Европу, опоздание грозит консервацией периферийного статуса Тихоокеанской России и дальнейшим пребыванием ее на окраине как европейского, так и азиатского экономического и культурно-цивилизационного пространств. И другой поезд придет не скоро.

Вывод весьма пессимистичный, но реальности сегодняшнего дня дают мало поводов для оптимизма. Ситуация в последние годы не улучшается. Решение Совета Безопасности РФ об ускоренном развитии Дальнего Востока и предпринимаемые ныне правительством вполне реальные шаги по интенсификации экономического развития его отдельных территорий, прежде всего Приморского края, — это действия преимущественно технократические. Они не означают принципиального изменения отношения как политической и экономической элит страны, так и основной массы населения к Восточной Азии в целом и к ее российской составляющей,

в частности. Как метко заметил М.Л. Титаренко, часто вспоминаемые сегодня слова М.В. Ломоносова «о прорастании России Сибирью» при определении стратегии развития страны «...или забываются, или трактуются в сугубо квазиколониалистском смысле — как право на бесконтрольное выкачивание ресурсов, ничего не оставляя взамен»[37].

Более того, европейски ориентированное и консервативное общественное мнение России не поспевает за стремительными переменами, которые демонстрирует сегодня Восточная Азия, и руководствуется в ее оценках замшелыми догмами и стереотипами. Самый яркий и уже хрестоматийный пример — это кардинальное изменение облика Китая, производным от которого являются многочисленные новые нюансы в мировоззрении, психологии и политике руководства страны. Япония, на которую привыкли смотреть как на эталон постоянства и стабильности, все чаще ставит вопрос о смене глобального политического позиционирования, меняет подходы к стратегии обеспечения национальной безопасности. Некоторые японские аналитики вообще считают необходимым «коренной поворот в образе мышления» японцев[38]. Огромный демографический и экономический потенциал Юго-Восточной и Южной Азии (за исключением Индии) в России также практически оставлен без внимания.

Во всем регионе происходят глубинные процессы, которые будут в обозримом будущем определять алгоритм развития человечества. Способны ли мы отслеживать, понимать и учитывать происходящие изменения, выстраивая политику России и в сфере желаемой интеграции, и в контексте развития двусторонних отношений со странами региона, и просто в целях обеспечения национальной безопасности?

Вызовы и угрозы

В жизни АТР формируется несколько критических сфер напряженности, которые способны взорвать мир. Отмечу только те из них, которые лежат вблизи российских границ.

Первая — финансово-экономическая. Бурный экономический рост уже превратил Восточную Азию в один из главных мировых центров (наряду с США и Европейским союзом) производства, распределения и потребления, главного держателя золотовалютных ресурсов, мирового инвестора[39]. Как Азия распорядится этим ресурсом, учитывая ее непростые отношения с Европой?

Стабильность мировой финансовой системы во многом определяется поведением Пекина, который только за кризисный 2009 г. увеличил свои валютные резервы на 453 млрд. дол., доведя их до 2,4 трлн. дол. Эксперты много пишут о том, что сегодня Китай способен в одиночку обрушить мировую финансовую систему. Однако цель китайского руководства совсем иная, стратегическая: «...построить такую мировую экономику, которая будет служить интересам Китая, и только после этого — чьим-нибудь еще»[40], поэтому оно инвестирует доходы от внешней торговли в месторождения сырья за рубежом, закупает новые технологии, оказывает экономическую помощь и предоставляет выгодные займы развивающимся странам, укрепляя свое политическое и экономическое влияние по всему миру.

Вторая — цивилизационная. В мире наблюдается обострение противоречия между выборами глобализации и стремлением государств и народов не только к сохранению, но и выпячиванию национальной идентичности. Явление это характерно для Азии, особенно — для Китая[41].

Его проявления — рост государственного национализма (КНР, Япония[42], Южная Корея, КНДР[43]), экстремизма во внешней политике (КНДР), внутреннего сепаратизма (Китай, страны ЮВА). Как отмечают эксперты, «...сепаратизм на этнорелигиозной основе может уже в ближайшее время составить основу транснациональных угроз региональной стабильности»[44].

Третья — военно-технологическая: нарастание военных потенциалов до критической отметки, чреватой взрывом. Ружье, висящее на стене, должно выстрелить, тем более, если оно заряжено. Из десяти крупнейших по численности армий мира семь (КНР, США, Индия, КНДР, Россия, Южная Корея, Вьетнам) расположены в АТР, пять стран (США, Россия, КНР, Индия, КНДР) уже обладают ядерным оружием, еще три (Япония, Южная Корея, Тайвань) способны обзавестись им в любой момент. Все стремятся к преимуществам, которые дают высокие технологии в военной области. Необъявленная война идет за контроль над информационным пространством.

Четвертая — экологическая. Нагрузка на природную среду со стороны быстро развивающихся экономик растет с каждым годом. Несмотря на серьезные усилия правительства КНР по охране окружающей среды, только в 2008 г. страна выбросила в воздух 25 млн. т двуокиси серы и слила в водоемы 56 млн. т жидких стоков[45]! На долю США и Китая приходится более 40% всех вредных выбросов в атмосферу в мире.

Пятая — техногенная. Последствия реализации крупных или опасных технических проектов не всегда поддаются просчетам, как и результаты человеческих ошибок, неблагоприятного стечения обстоятельств или конъюнктурных политических решений. Примером могут служить возможные геологические последствия ядерных испытаний в КНДР. По некоторым оценкам, эти испытания про-

водятся в специфических геологических зонах и способны спровоцировать землетрясения и цунами. Как это может отразиться, по крайней мере, на Приморском крае — говорить излишне.

Шестая — геополитическая. Борьба держав и военных союзов за лидерство и сферы влияния в регионе продолжается. Антикоммунизм, торговый меркантилизм, этнокультурный шовинизм не ушли со сцены, а лишь обрядились в современные одежды.

Каждая из этих сфер «накрывает» Тихоокеанскую Россию. И в большинстве случаев, если оценивать современное состояние, Россия выглядит не более как пассивный участник процесса, имеет минимальные возможности влиять на формирование политического ландшафта и экономическое развитие Восточной Азии. Причина этого не только в слабом экономическом присутствии России в регионе, чему есть вполне объективные основания. Есть причины более фундаментальные: ее европейская цивилизационно-культурная «самость», имидж, унаследованный от советской внешней политики, ее неуверенные, а порой и неуклюжие шаги в сфере азиатской политики.

Россия есть и еще долго будет игроком второго, если не третьего эшелона в азиатско-тихоокеанских делах. Вырабатывая собственную политику, она вынуждена будет принимать во внимание интересы и комбинации региональных лидеров: Китая, США, Японии, стран АСЕАН. Готовы ли мы сегодня отслеживать и предугадывать эти интересы и комбинации, чтобы умело противопоставить им свои?

В это же время в пределах самой Тихоокеанской России и в непосредственной близости от ее границ «вызревает» целый комплекс угроз интересам и безопасности. Отмечу некоторые, которые, по моему мнению, прежде всего требуют четкого понимания, толкования и реагирования.

1. Критический уровень зависимости — технологической, сырьевой, продовольственной — от отдельных стран и крупных транснациональных компаний.

Проблема такой зависимости нередко поднимается и обсуждается как в административно-политических, так и в академических кругах России. Однако порог этой критичности каждый эксперт определяет индивидуально, «на глазок». Несмотря на прямое указание правительства разработать количественные и качественные параметры критериев экономической безопасности России[46], они по сей день не созданы и не утверждены, а лица, должные быть озабоченными обеспечением безопасности России, продолжают, как заметил бывший полпред Президента РФ по ДВФО К. Исхаков, «блуждать в потемках»[47].

Резонно предположить, что угрозу безопасности России представляют как чрезмерная ориентация экономических связей дальневосточных краев и областей на узкий круг государств Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея)[48], так и монозависимость отдельных территорий от зарубежных соседей[49]. Однако глубина, характер и качество этих угроз остаются загадкой, требующей разрешения. По представлениям зарубежных экспертов, в мировой практике доля в 30% импортных продуктов в общей «корзине питания» населения считается предельно-критической для безопасности общества[50]. В краях и областях Дальнего Востока эта доля зашкаливает за 60%[51].

Сегодня Россия заимствует технологии уже не у Японии или Южной Кореи, а у Китая, который сам не так давно приобрел их на Западе. Для Тихоокеанской России это обстоятельство чревато усилением ее технологического отставания, технической зависимостью от соседей, отсталостью экономической структуры, а значит и неспособностью (в силу технологической отсталости) подключаться к экономической кооперации (интеграции) стран региона,

невостребованностью и оттоком интеллектуальных ресурсов как в европейскую часть России, так и за пределы страны. Следствием такого отставания будет дальнейший рост дисбаланса в социально-экономическом и культурном развитии приграничных территорий России и КНР, и уже не в пользу России.

С другой стороны, такой дисбаланс ставит под большой вопрос саму привлекательность территории для зарубежной миграции, в частности, тезис о «китайской демографической экспансии» на Дальнем Востоке. Правда сегодняшнего дня уже состоит в том, что не китайцы оседают на постоянное жительство в Сибири и на Дальнем Востоке, а дальневосточники уезжают жить в Китай, где сама жизнь дешевле, комфортнее и безопаснее, чем на большей части территории России[52].

Растущий интерес стран Восточной Азии к сибирским ресурсам также вызывает немалые опасения. И не по причине сырьевой специализации этого региона в масштабе России и мира, которая, вероятно, на данном историческом этапе является неизбежной. Более всего тревожат игры, которые ведут на энергетическом поле правительства и крупные компании России и стран региона, их намерение использовать эти ресурсы «в интересах народов России и всего мира», как декларируют авторы одной из версий стратегии развития Дальнего Востока[53], и, вполне возможно, в ущерб и России, и населению самого региона. По крайней мере, среди основных принципов, положенных в основу этой концепции, ни «развитие человеческого капитала», ни хотя бы создание благоприятных условий для жизни местного населения не присутствуют[54]. И такая точка зрения в отношении восточных районов России распространена достаточно широко.

Опасность чрезмерной зависимости России от энергетического и сырьевого рынков КНР уже не раз обсужда-

лась в научных и политических кругах и повлекла за собой решение правительства РФ о конечных точках маршрута нефте- и газопроводов на востоке страны. Об угрозе превращения Дальнего Востока и Забайкалья «только в источник энергоносителей и сырья для стран Азиатско-Тихоокеанского региона» говорится и в *Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года*, утвержденной правительством РФ 28 декабря 2009 г.[55]

Однако осознание угрозы еще не означает результативную борьбу по ее устранению. В частности, список ключевых проектов сотрудничества, приложенный к подписанной в октябре 2009 г. в Пекине *Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Востока КНР на 2009 — 2018 годы*, реанимирует эти опасения. России отводится роль добытчика сырья и его первичной переработки, Китаю — доведение его до кондиции, нужной потребителю. В программу на российской стороне не включен ни один объект, который можно было бы отнести к области высоких технологий. Не считать же таковыми модернизацию консервного завода в г. Белогорске или создание базы по производству и сборке бытовых электроприборов в г. Артеме.

Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 29 апреля 1996 г., рассматривает «завоевание иностранными фирмами внутреннего рынка России» как одну из наиболее вероятных угроз экономической безопасности государства. Усиление позиций иностранного капитала в экономике региона может сопровождаться потерей контроля над частью национального богатства (исходя из существующей чиновничьей практики выдачи лицензий на его использование), ростом коррупции и разложением госаппарата, созданием новых экологичес-

ких угроз. Учитывая закрытость информации по большей части этих проблем и качество российской статистики, государство и общество в один прекрасный момент вполне могут оказаться перед свершившимся и неприятным для них фактом.

2. Рост военного потенциала и модернизация вооруженных сил стран Восточной Азии.

Китай год за годом увеличивает свои военные расходы[56], активно модернизирует армию и, как показал военный парад по случаю 60-летия КНР, уже имеет достаточно современные вооружения[57]. По оценкам, к 2020 г. китайская армия, оставаясь наиболее многочисленной в Азии, может стать сильнейшей в качественном отношении[58]. Хотя некоторые эксперты достаточно скептически оценивают и военно-технический потенциал, и возможности оборонно-промышленного комплекса КНР[59], однако эйфория руководства и населения страны от достижений в военной области может существенно повлиять на внешнеполитические воззрения китайской политической элиты и ее подходы к решению международных проблем. По крайней мере, откровенные китайские националисты, о чем свидетельствует упоминавшаяся выше книга «Китай недоволен», апеллируя к идеям Мао Цзэдуна о неизбежности и «очищающем характере» войны, призывают китайцев не бояться войны и готовиться к войне.

Япония восстановила Министерство обороны, активно обсуждает вопрос об использовании вооруженных сил за пределами страны, строит собственную систему противоракетной обороны (что в России тревожит, пожалуй, только МИД и военных) и по-прежнему рассматривает Россию в качестве вероятного противника. США создают систему ПРО на Аляске, проводят совместные с Японией испытания противоракет и держат внушительные вооруженные

силы вблизи от российских берегов. Индия, по оценкам американских военных экспертов, также скоро заявит о себе как о мировой военной державе. Пхеньян готовится к проведению третьего испытания ядерного заряда, продолжает запуски ракет среднего и дальнего радиуса действия, модернизирует инфраструктуру для этих испытаний. Южная Корея и Тайвань активно закупают новые виды американского оружия.

Последствия для России многомерны.

Первое — утрата практически единственного аргумента, который предъявлял миру Советский Союз, позиционируя себя как Тихоокеанскую державу. Изменение военного паритета не в пользу России, ее теоретическая неспособность самостоятельно противостоять военным угрозам на Востоке порождают чувство собственной уязвимости, стремление к восстановлению баланса сил, наращиванию военного бюджета (в ущерб гражданскому) и поиску сильных союзников. И хотя вероятность военно-политических угроз России со стороны Тихого океана сегодня весьма мала, российская политическая и военная элита ощущает морально-психологический дискомфорт от своей беспомощности, «страх остаться один на один с Китаем и Японией» и «отсутствие веры в собственный экономический, культурный и политический потенциал в этом многонаселенном, динамичном и культурно далеком регионе»[60]. Все это — опасный синдром, который может стать мощным стимулом к принятию каких-то, возможно, даже не вполне адекватных ситуации решений и основой для последующих опасных для страны и региона шагов.

Второе последствие — нарастание напряженности у границ России по причине возможного обострения отношений между ее соседями. Самым серьезным вызовом для Москвы будет выбор ее позиции в случае эскалации напряженности вокруг Тайваня[61]. Кризис на Корейском по-

луострове, будь то военный конфликт между «Севером» и «Югом», коллапс северокорейского режима, гражданская война, массовое бегство корейцев на территорию сопредельных государств, будет иметь не менее серьезные политические и социальные последствия и для России в целом, и для юга Дальнего Востока, в особенности.

Третье — угрозы территориальной целостности страны. Не снимаются с повестки дня возможные попытки будущих лидеров соседних государств, более склонных к восприятию националистических идей и лозунгов, чем нынешнее поколение, решать спорные территориальные вопросы, восстанавливать «историческую справедливость» с помощью силы.

При этом внешний контур безопасности России — существующие в регионе конфигурация международных отношений и системы обеспечения безопасности — не может служить для предотвращения или устранения этих угроз. Они сформировались во времена «холодной войны», в формате противостояния Соединенных Штатов Америки и Советского Союза и основываются на двусторонних договорах безопасности США со странами региона (Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Таиландом, Австралией и др.). Эта архитектура не настроена на обеспечение безопасности России, да и вообще не соответствует ни новой конфигурации силовых полей в АТР (обусловленной ростом мощи Китая и Индии), ни задачам борьбы с глобальными и региональными угрозами, прежде всего невоенного характера, а поэтому требует коренной реконструкции. Неспособность держав — участников Шестисторонних переговоров по корейской проблеме — договориться и найти общее решение свидетельствует о шаткости существующей системы безопасности.

Эффективность многосторонних организаций, создаваемых по инициативе АСЕАН и нацеленных на обес-

печение безопасности (таких как ВАС, АРФ), также под большим вопросом. Тот же Восточноазиатский саммит, оставив за своим бортом Россию, при этом концентрирует внимание на проблемах безопасности в сфере энергетики, окружающей среды, неблагоприятных последствиях изменения климата. Азиатский региональный форум (где Россия представлена) не смог выйти за пределы обсуждения нетрадиционных угроз безопасности, хотя задумывался его создателями из стран АСЕАН в более широких целях. Да и само лидерство АСЕАН в организациях, включающих Китай и Индию, вызывает все больше сомнений.

3. «Азиатизация» Азии.

Эта тенденция проявляется, с одной стороны, в усилении государствами региона акцента на традиционных национальных культурных ценностях во внутренней и внешней политике, с другой — в продвижении и укреплении влияния этих ценностей в мире, с третьей — в их борьбе с проявлениями западной (американской) политической и массовой культуры. В частности, китайские эксперты выдвигают задачи превращения традиционной китайской культуры в один из «двигателей глобализации», в средство «разъяснения китайской модели развития» и барьер для дальнейшего диктата американской культуры[62]. В конечном итоге, как заметил сингапурский дипломат и ученый Барри Дэскер, вопрос сегодня сводится к тому, произойдет ли конфликт ценностей, исповедуемых США, с одной стороны, и Китаем, с другой, или же возникнет синтез на основе соединения американских и китайских ценностей[63].

В обоих случаях Россия остается пассивным наблюдателем. Потенциальными последствиями этих процессов станут:

1) «Культурная экспансия» Востока. Пекин в своей внешней политике уже сегодня достаточно активно прибегает к использованию «мягкой силы»[64], умело навязывает миру,

в том числе и России, свое видение личности и общества, модели межгосударственных и международных отношений, политическую терминологию и нормы поведения, наконец, свою модель развития, известную сегодня в академической среде как «пекинский консенсус»[65]. Своей стратегической целью Китай считает «достижение уровня влияния, сопоставимого с уровнем влияния американской и европейской мягкой силы»[66], а поэтому прилагает титанические усилия для создания благоприятного имиджа страны по всему Земному шару, создавая институты Конфуция, каналы круглосуточного вещания, интернет-сайты, журналы и газеты на иностранных языках (в том числе на русском).

2) Территориальные претензии на основе роста национализма и реваншизма в странах Восточной Азии. Острые отношения, чреватые политическими и вооруженными конфликтами, складываются между самими странами региона (преимущественно вокруг спорных островов и нефтеносного шельфа)[67], но и к России у них есть претензии, как открытые (Япония), так и «отложенные». Серьезным вызовом для Москвы может стать политическая и национальная ориентация объединенного Корейского государства. Россия заинтересована в существовании независимой, нейтральной, безъядерной Кореи, хотя и этот вариант несет в себе определенные вызовы ее безопасности[68]. Но устроит ли такой расклад Вашингтон, Пекин и Токио?

3) «Азиатский сепаратизм». Один из возможных путей его проявления в Тихоокеанской России — демографическая экспансия стран Востока через создание на ее территории национально-культурных автономий. Не так скоро, как пугает пресса, но в обозримом будущем при дальнейшем сокращении численности славянского населения региона это может произойти. Второй канал — рост этнического самосознания представителей коренных

малочисленных народов Дальнего Востока, осознание их причастности к «великой общности азиатских культур», на которой могут играть эмиссары из соседних государств.

К этому перечню основных вызовов следует добавить те общемировые и региональные угрозы, которые у всех на слуху и которые не могут не затрагивать Россию: глобальное изменение климата и деградация окружающей среды, распространение оружия массового поражения, международный терроризм и организованная преступность (особенно — крупномасштабная контрабанда), неконтролируемая миграция и массовые эпидемии.

Уже ощущаемые и потенциальные последствия глобального изменения климата сегодня обсуждаются достаточно активно, но прежде всего с точки зрения их влияния на природу и условия жизнедеятельности человека. Между тем эти последствия затрагивают фундаментальные социальные, экономические и геополитические проблемы, делают их более острыми и конфликтными, обостряют ситуации нестабильности и уже существующие угрозы безопасности.

Опосредованно последствия воздействия изменения климата на Китай, КНДР, Монголию, Японию скажутся и на двусторонних отношениях, и международной обстановке в регионе, а значит, будут создавать новые вызовы и угрозы региональной стабильности в целом и безопасности России, в частности. Эти угрозы будут проистекать по следующим причинам.

Первая — возрастание риска экономических потрясений и социальной нестабильности в сопредельных странах Восточной Азии вследствие роста частоты и мощи природных катастроф. Крупные природные катастрофы, провоцируемые глобальным изменением климата, одновременно становятся проверкой властей на предмет их способности обеспечить безопасность и стабильность государства. В

случае неэффективности действий властей эти катастрофы сопровождаются социальными потрясениями, дестабилизацией политической обстановки в стране и вдоль ее границ.

Азия более всего страдает от природных катастроф, частота которых в последние годы увеличилась, что отождествляется с глобальным изменением климата. По итогам 2008 г., обобщенным Научным центром по эпидемиологическим катастрофам (Брюссель), в 2008 г. на Азию пришлось 40% всех крупных природных катастроф[69] в мире (143 из 354), в которых пострадали 178 млн. чел. (83% всех пострадавших в мире). В первой десятке стран, понесших наибольший ущерб от разгула стихии, пять (КНР, Филиппины, Индонезия, Вьетнам, Таиланд) представляют Восточную Азию. Чаще всего от этих явлений страдали КНР (29 раз), США (22) и Филиппины (20). В последние три года эти страны наряду с Индией и Индонезией чаще всего подвергались ударам стихии[70].

Вторая — сокращение территории, пригодной для обитания. Более 40 млн. чел. в регионе живут ниже уровня моря. Глобальное потепление грозит грандиозной катастрофой для десятков миллионов людей в Китае, Вьетнаме, других странах ЮВА. Сокращение пахотных площадей будет обострять продовольственную проблему.

Эти обстоятельства угрожают опять же ростом социальной нестабильности, волной неконтролируемой миграции, миллионами «экологических беженцев», а также обострением существующих территориальных споров и реанимацией старых претензий на территории.

Третья — обострение проблемы распределения ресурсов. Новые нагрузки, которые вызываются изменением климата, могут активизировать локальные и региональные конфликты из-за ресурсов, как возобновляемых (пресная вода, плодородные земли, леса), так и не возобновляемых.

Все эти аспекты требуют вдумчивого и глубокого изучения. Готова ли Россия отвечать на существующие вызовы и, более того, предвидеть новые? Адекватна ли российская система обеспечения безопасности восприятию и парированию этих угроз? По этому поводу есть большие сомнения. Как отметил Д. Тренин, нынешние российские системы предупреждения и борьбы с угрозами рассчитаны не на новые угрозы в международных отношениях, а на те, которые существовали в 90-е годы и до этого[71].

При этом если комплекс угроз безопасности России с западного и южного направлений Москвой воспринимается и осознается в целом (адекватно или нет — это вопрос отдельный), то из всего «букета» угроз с Востока на сегодняшний день принимается во внимание только одна — потеря контроля над Дальним Востоком с последующей утратой этой территории. Наиболее очевидно эти опасения прозвучали на заседании Совета безопасности РФ 20 декабря 2006 г., специально посвященном обеспечению национальной безопасности Дальневосточного федерального округа. На этом заседании В. Путин оценил «убыль населения, глубокие диспропорции в структуре производства и внешнеэкономических связей» Дальнего Востока, его слабую привязанность к общероссийскому экономическому, информационному, транспортному пространству как «серьезную угрозу для наших политических и экономических позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, для национальной безопасности ... России в целом»[72].

Диагноз, в принципе, правильный, однако выявил он симптомы, но не причины болезни. Причины лежат много глубже, они — в истории, психологии, культуре.

«Что бы и кто бы ни говорил по поводу влияния западной цивилизации на Россию, но совершенно очевидно, что близость к западным границам, к проклятому «ла-

тинству», долгое пребывание ряда западных российских территорий в западной политической орбите и в лоне западной культуры оказывали решающее влияние на общее цивилизационное развитие населения. Для России это факт непреложный, хотя и крайне грустный, и тягостный для русского сердца» — констатирует один из ведущих специалистов по истории России А.Н. Сахаров[73]. Сохранение европоцентризма в мышлении россиян в целом и в политике российского правительства, в частности, остается непреодолимым пока барьером к осознанию угроз России на Востоке, реальной внутренней угрозой интересам и безопасности России в АТР.

Концепция внешней политики РФ 1993 г. призывала к «избавлению сознания населения от стереотипов восприятия азиатско-тихоокеанского зарубежья как психологически чуждых нам стран и народов», к воспитанию у россиян «чувства национальной причастности к Азии и Тихому океану»[74]. В *Концепции участия России в АТЭС 2001 г.* в качестве первой из задач была сформулирована цель «осуществить реальный отход от излишней ориентации на Европу и США в нашем политическом и экономическом мышлении и общественном сознании»[75]. В *Концепции национальной безопасности РФ 2009 г.* эта проблема не обозначена. Однако она продолжает существовать и проявляется как в хронической недооценке россиянами значимости АТР и Восточной Азии для судьбы собственного государства[76], так и в приверженности большей части политической и деловой элит страны идее колониальной эксплуатации ресурсов Сибири и Дальнего Востока, в восприятии этих территорий как колониальной периферии, как сегмента европейского административного пространства, призванного служить интересам метрополии.

Следствием таких взглядов является перманентное игнорирование нужд и интересов населения Тихоокеан-

ской России, которое остро ощущается в этом регионе и может иметь для него самые катастрофические последствия: дальнейший отток населения, утрата чувств патриотизма и привязанности к родине, аполитичность, космополитизм и моральная деградация оставшихся.

Совокупность внутренних и внешних факторов создает серьезные предпосылки для «вымывания» Дальнего Востока из общероссийского культурного пространства и, по большому счету, — угрозу общероссийской идентичности. В последнее десятилетие прежде твердая уверенность жителей Дальнего Востока в своей российской идентичности, в принадлежности к общему историческому и культурному пространству, объединенному в понятии «Россия», подвергается все большему давлению извне (как со стороны зарубежья, так и собственной столицы) и внутренней эрозии изнутри.

Главная угроза общероссийской идентичности на Дальнем Востоке — ее инфраструктурная оторванность, которая в последние два десятилетия значительно усилилась. Ощущение своей ненужности и заброшенности усугубляет чувство отчуждения от европейской прародины, что вызывает недовольство и озлобленность. Неудивительно, что почти половина жителей Приамурья и Приморья обнаруживает главные угрозы интересам России в Восточной Азии не в наращивании мощи Китая, конфликте на Корейском полуострове или споре с Японией из-за Курильских островов, а в неправильной политике Москвы и неадекватном отношении центра к этим далеким, хлопотным и затратным территориям[77].

Точечными действиями типа введения льготных билетов для молодежи и пенсионеров эту проблему не решить, тем более что заявления и реальные действия правительства, направленные на развитие региона, раз за разом дезавуируются решениями, которые может и являются

малозначимыми с точки зрения Большой Политики Государства, но для жителей региона имеют качественно иное значение и оказывают серьезное воздействие на их сознание и последующие решения.

Два примера. Первый — предпринимаемые Госдумой, правительством РФ действия против ввоза в Россию праворульных машин, в частности, перманентный рост таможенных пошлин на японские подержанные автомобили. Второй — борьба против «челночного бизнеса». Формально правильные и теоретически обоснованные, эти меры были предприняты в пору экономического кризиса, оставили без работы сотни тысяч жителей Дальнего Востока и не сопровождались созидательными действиями, способными компенсировать этим гражданам России потерю источника их существования.

По оценкам, введение высоких ввозных пошлин на импортные автомобили только в Приморском крае оставило без работы от 68 до 100 тыс. чел.[78], т.е. удвоило (!) количество зарегистрированных в крае безработных (63,7 тыс. чел. в 2008 г.). И это при том, что уровень безработицы в Приморье уже на 0,5% превышал пороговое значение и составлял 7,5% от экономически активного населения[79], показатель, который рассматривается как одна из самых серьезных угроз экономической безопасности государства и территории.

Еще более сильный удар по приграничному населению Дальнего Востока нанесла война российского правительства против отечественных «челноков». Безусловно, «челночный бизнес» приносил заметный ущерб российской казне[80]. Однако, убыточная для российской казны, эта «народная торговля» являлась в то же время средством обеспечения занятости и дохода для жителей многих пограничных с Китаем городов и поселков Дальнего Востока и Забайкалья, а для Амурской области — «чуть ли не единственным их источником»[81].

В 1999 г. китайский экономист, изучавший проблемы приграничных связей, писал, что основой «челночной торговли» являются «бедные слои и безработное население, и пока они существуют, российское правительство не сможет уничтожить эту форму торговли»[82]. Китайский ученый явно недооценил способности российского правительства. В первом случае интересы дальневосточников принесены в жертву российскому автопрому, во втором — интересам казны и крупных торговых компаний. В обоих случаях экономические обоснования принятых решений — если таковые и существовали — общественности представлены не были. Их социальные, политические, психологические последствия, в том числе авторитет власти, если и рассматривались, то были сочтены не заслуживающими внимания.

В то же время значительное укрепление и развитие экономических и гуманитарных связей Тихоокеанской России с приграничными территориями КНР, Японии, Южной Кореи ведут к более активному восприятию дальневосточниками их экономической, политической, деловой и бытовой культуры. Двое из трех взрослых жителей юга Дальнего Востока хотя бы раз побывали в Китае, от 15 до 20% — в Японии и Южной Корее. Значительно меньшее число из них бывали в Москве или Санкт-Петербурге. Пуповина, связывающая дальневосточников с родственниками в Европейской России, у многих уже разорвана. А это ведь еще один важнейший фактор национального единства и, по большому счету, национальной безопасности.

Наконец, принадлежность Тихоокеанской России к общероссийской идентичности подвергается атакам извне. Признавая неизбежность усиления российского присутствия на Тихом океане и уже состоявшуюся экономическую интеграцию дальневосточных территорий

России в восточноазиатскую экономику, азиатские политики рассматривают варианты усиления своего политического и культурного влияния на эти территории. Как выразился один из японских участников российско-японского симпозиума в г. Киото (ноябрь 2008 г.), «жители Восточной Сибири и Дальнего Востока должны ощущать себя жителями Восточной Азии».

Общероссийской идентичности на Дальнем Востоке угрожают как численное сокращение, так и внутренняя эрозия и качественная деградация. С одной стороны, происходит абсолютное (с 8 млн. в 1990 г. до 6,5 млн. в 2008 г.) и относительное (в сравнении с растущим населением всего региона) сокращение численности той части населения Восточной Азии, которая идентифицирует себя как россияне. Они не только уезжают при малейшей возможности на историческую родину, они едут работать в Китай, Корею, Японию, все чаще покупают квартиры в Китае и переезжают туда на постоянное жительство. Наблюдается массовый исход в эти страны выпускников вузов — китаеведов, японоведов, кореистов, вьетнамистов, которые не хотят оставаться жить и работать на Дальнем Востоке. За пределы региона в массовом порядке выезжает наиболее образованная и динамичная часть молодежи (по результатам опросов, более 70% молодых жителей Владивостока готовы уехать из города). Введение ЕГЭ еще более усилит отток талантливой молодежи из региона.

С другой стороны, ухудшается качество этой группы населения. Молодых, умелых, работоспособных замещают малообразованные и неквалифицированные мигранты, преимущественно из Средней Азии. Возникает реальная угроза национальному генофонду Тихоокеанской России: на высоком уровне находятся молодежная смертность и травматизм (особенно автотравматизм), проис-

ходит интеллектуальная деградация молодежи (падение качества образования, агрессивное потребление суррогатной культуры).

Не менее серьезной внутренней угрозой планам интеграции России в АТР является гигантизм замыслов и неумение сочетать их с решением множества не столь заметных, но значимых вопросов, используя весь ресурс и без того немногочисленных возможностей для самоутверждения в регионе. Несколько метких комментариев по этому поводу сделал Г. Розман, заметивший, что «наводнение московской казны нефтедолларами возродило типичное для советской эпохи мышление «грандиозными проектами»[83] и российские политики более всего заинтересованы в том, «чтобы Россия оставалась великой державой, способной определять политический облик региона». Вместо того чтобы поддерживать ростки регионализма на Дальнем Востоке, избегать его зависимости от какой-то одной страны, они поднимают на щит концепцию Азиатско-Тихоокеанского региона в надежде «притянуть к ней большую часть Земного шара»[84].

Требует серьезного анализа вызовы и риски, обусловленные будущей привязкой российского энергетического сектора к Восточной Азии, куда Россия планирует поставлять до 30% своих энергоресурсов. Есть три реальных потребителя российских нефти и газа: Китай, Япония и Южная Корея. Сегодня они соревнуются между собой, завтра могут объединиться и выставить единые условия. Общность их экономических интересов куда сильнее, чем существующие политические и исторические разногласия, тем более что главный потенциальный потребитель российских энергоресурсов — Китай очень активно создает свои энергетические плацдармы в целом ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки[85].

Шансы

Если взвесить все «за» и «против» возможностей для России интегрироваться в азиатско-тихоокеанское пространство, аргументов «за» окажется значительно меньше.

Основные «двигатели» интеграции России в АТР находятся за пределами страны. Среди них процессы глобализации и регионализма, взаимопроникновение культур, интерес стран АТР к ресурсам Сибири и Дальнего Востока, их противоречия и конкуренция за региональное лидерство. Москвой же движет преимущественно смутное желание найти весомый противовес историческому диктату Европы и использовать азиатско-тихоокеанский ресурс для социально-экономического развития европейской части страны и укрепления мощи Российской державы.

Препятствия к интеграции куда более многочисленны: мизерный уровень российского экономического присутствия и ее ограниченный потенциал для расширения и углубления взаимодействия с регионом; национализм в Восточной Азии и европейская природа России; страх Москвы перед дрейфом своих восточных районов в сторону Азии и опасения самой Азии относительно энергетического диктата со стороны России; межгосударственные противоречия (Курилы и др.); негативный имидж России в странах региона (наследство, оставленное политикой Российской империи и СССР); высокая цена «подтягивания» территорий Дальнего Востока к мировым стандартам; наконец, отсутствие в стране критической интеллектуальной массы для выработки «правильной» политики на Востоке.

Как бы ни формулировались сегодня цели России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, они объективно должны быть направлены на решение трех задач:

- гарантировать защиту национальных интересов и безопасность государства на его восточных рубежах;

• сформировать пути и механизмы использования огромного экономического и политического потенциала АТР для нужд и интересов всей страны;
• обеспечить достойную жизнь населению тихоокеанского побережья России.

Ясность и очевидность этих задач еще не свидетельство простоты их исполнения. Ни одно государство в мире не имеет достаточных средств и возможностей, чтобы разом решить все три. Уже сама по себе расстановка задач по приоритетности их исполнения требует определенного политического мужества, ибо на пути решения каждой из них лежат исключительно серьезные препятствия, преодоление которых сделает честь любому политику. В числе основных — инерционный подход Москвы к тихоокеанской части России как к колониальной периферии, размытость представлений о таких базовых для государства понятиях, как «национальные интересы» и «национальная безопасность», анахронизм российской системы оценки угроз и борьбы с ними, консерватизм и инерционность мышления власти и населения.

Не меньшее политическое мужество требуется для определения и утверждения целей, принципов и ориентиров российской политики на Тихом океане, принятия адекватной сегодняшнему дню, а не ностальгии об имперском прошлом долговременной стратегии России на Востоке как на собственной территории, так и за ее пределами, убеждения многочисленных скептиков в безошибочности этой политики. Немалая опасность заключается в том, чтобы в борьбе за «великие», но совсем не бесспорные «идеалы России» в очередной раз не были принесены в жертву интересы нескольких миллионов россиян, проживающих на ее восточных рубежах.

За три столетия своего присутствия на берегах Тихого океана Россия так и не смогла интегрироваться в ре-

гиональное экономическое, политическое и культурное пространство. Причин тому много и в числе главных — отсутствие адекватного восприятия и понимания этого пространства, попытки расположиться в нем со своей системой координат и ценностей, сначала державных, а затем коммунистических.

Исторически Россия обращала серьезное внимание на Восточную Азию и бралась за развитие своих восточных окраин только тогда, когда возникала угроза их отторжения. Так было в середине XIX в. (попытки Англии и США завладеть Приамурьем), на рубеже XIX—XX вв. (борьба держав за экономический раздел Китая, активизация Японии), в 30-е (агрессия Японии в Китае и конфликты на границе) и 70-е гг. XX в. (советско-китайский конфликт). Каждый раз это сопровождалось реализацией грандиозных экономических проектов: «...в категориях традиционной геополитики возможность противостоять любой потенциальной агрессии на восточных рубежах страны неизбежно связывалась с более плотным заселением и освоением Азиатской России»[86].

Каждый из этих проектов обходился России достаточно дорого. 100 лет назад подобная попытка закончилась катастрофой. На рубеже XIX—XX вв. желание России поучаствовать в разделе Восточной Азии (своеобразная «интеграция» империалистических держав) привело к столкновению ее интересов с интересами Японии, США и Англии, русско-японской войне и революции[87]. Второй рывок в 1930-е гг. обеспечил создание военно-ориентированной и подчеркнуто сырьевой экономической структуры региона, последствия чего он переживает по сегодняшний день. В 1970-е гг. дорогостоящие меры по укреплению советско-китайской границы сопровождались решением (24-й съезд КПСС, март—апрель 1971 г.) об ускоренном развитии производительных сил Дальнего Востока и созда-

нии условий для притока населения в Сибирь и на Дальний Восток, а затем возобновлением (1974 г.) строительства Байкало-Амурской магистрали. В совокупности все это обошлось советскому бюджету в сотни миллиардов рублей[88] и серьезно повлияло на экономику государства.

Нынешняя активизация восточной политики России, как и все предыдущие, обоснована геополитическими, военно-стратегическими соображениями и является инстинктивной реакцией на непонимание и давление Запада, и это уже само по себе несет угрозу ее планам и замыслам, при этом азиатская политика Москвы по традиции не имеет серьезного научного сопровождения. «Подушка безопасности», которую могло бы создать такое сопровождение, отсутствует. Между тем проектирование трудной, но неизбежной для России дороги на Восток требует фундаментальных знаний и глубокого понимания региона, постоянного мониторинга и оценки сложного комплекса вызовов и угроз, искусов и ловушек, успехов и неудач, трудностей и проблем. Без этого не будет ни эффективного взаимодействия России со странами АТР, ни реального изменения положения и статуса ее тихоокеанских окраин. Учитывать и прогнозировать необходимо и предстоит очень многое — от общих путей социально-культурной эволюции современного мира и традиций азиатской дипломатии до менталитета российского чиновника и бизнесмена.

Сложность решения этих проблем не только в их комплексности, многоплановости, колоссальной роли субъективного фактора, но и в ускоренной динамике процессов, происходящих в регионе. Накопленный опыт реального, а не декларативного обеспечения безопасности требует понимать, предвидеть и оперативно реагировать на малейшую подвижку векторов мирового научно-технического прогресса (как в военной, так экономической, информационной и иных областях), колебания в уровне двусторон-

них и многосторонних отношений, изменение обстановки в конфликтных зонах (территориальные споры, Корейский полуостров, Тайваньский пролив). Особая сфера — как бы скептически не относились к ней многие политики и «эксперты» Европейской России — роль и место тихоокеанского побережья в системе экономических, военно-политических и прочих координат самой России и ее азиатских соседей.

Решения

После огромного количества замечаний в адрес действий России на Востоке, высказанных выше, логичным казалось бы перейти к конкретным рекомендациям, способным сделать российскую политику эффективной, результативной и готовой к самосовершенствованию. Однако в общих и правильных рекомендациях как раз и нет недостатка. Мы знаем «почему» и «что» надо делать. Однако плохо понимаем «как»? И вообще, хотим ли это делать?

Проблема заключается, с одной стороны, в отсутствии механизмов для реализации поставленных задач, с другой — в том, что российская политическая элита и население страны в массе своей морально и психологически не готовы к восприятию даже самых умеренных, не говоря уже о радикальных, предложений, касающихся политики на Востоке. «Самое главное ограничение, конечно, сидит в головах», — констатировал В. Путин, общаясь с членами Международного совета предпринимателей[89]. Тогда речь шла о европейских и американских делах. В еще большей степени эту оценку можно применить к политике России в Азии.

Теоретически эта политика адекватна интересам государства и реально способна привести к смещению центра тяжести внешней политики Москвы, к изменению судьбы российских тихоокеанских владений, к беспрецедентно-

му усилению позиций Российского государства в АТР и к формированию взаимовыгодного (и для России, и для ее восточных окраин, и для стран региона) альянса интересов. Проблема, таким образом, не в сущности этой политики, а в гарантиях успеха ее реализации.

Выше уже отмечалось, что особый интерес к Восточной Азии и Дальнему Востоку у российских столиц возникал при осознании угроз интересам и безопасности Российского государства. И быстро проходил, как только исчезала угроза потери восточных владений. Благоприятным условием для продвижения России на Восток было появление прогрессивных и самоотверженных лидеров, готовых взвалить на себя тяжкий груз по продавливанию непопулярных и непонятных для большей части общества решений, лидеров, чьи титанические усилия заставляли вторую голову российского орла хотя бы искоса взглянуть на Восток. Наибольшие успехи России в Восточной Азии отождествляются с именами Н.Н. Муравьева (Амурского) и С.Ю. Витте. И тот, и другой в конечном итоге были отстранены от азиатских дел. Сегодня поворот России на Восток связывается со взглядами и политикой В.В.Путина. Насколько он будет успешнее своих предшественников?

Чтобы политика интеграции России в АТР приобрела необратимый характер, инициатива, напор, уверенность премьера должны получить подкрепление по нескольким направлениям. Опора на один только административный ресурс даст временный и ограниченный эффект. Для устойчивости и долговременности под эту политику должны быть подведены прочные идеологические, организационные и интеллектуальные опоры.

Первая опора — идеологическая. России насущно необходима долгосрочная стратегия в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, выстроенная в жесткой последовательности: интересы — цели — задачи — угрозы —

решения, стратегия с ясными целями, прагматичными задачами и достижимыми результатами. Примером может служить Китай, государство с самым богатым опытом стратегического планирования, демонстрирующее сегодня миру «расчетливую», как ее называют эксперты, стратегию в области обеспечения безопасности[90]. Пора, наконец, сформулировать и объявить: зачем России нужны Дальний Восток, Китай, Япония, Восточная Азия, АТР? Стратегия должна четко выстроить вертикаль «восточноазиатских ценностей» для России в целом и для ее восточных районов, в частности.

Вторая — организационная. С одной стороны, это активизация усилий по участию во всех существующих и поддержка инициируемых международных структур в АТР, в частности, идеи премьер-министра Австралии Кевина Рада о создании Азиатско-тихоокеанского сообщества, где Россия предложена в качестве одного из главных участников и партнеров[91] и инициативы премьер-министра Японии Юкио Хатоямы о формировании Восточноазиатского сообщества, «главной основы дипломатии нового японского правительства в Азии», в котором места для России пока не предусмотрено[92].

Россия способна активно поучаствовать в строительстве новой архитектуры безопасности как Евразии, так и АТР, если она не будет подходить к ним как к продолжению системы евро-атлантической безопасности. Перспективной (пока только для обсуждения) мне представляется конструкция безопасности Евразии, основанная на двух структурах — НАТО на западе и Шанхайской организации сотрудничества — на Востоке. В этой конструкции при всей нынешней ее фантастичности Россия наряду с США, Китаем и Индией может играть действительно ключевую роль.

С другой стороны, организационные основы может создать максимально широкое привлечение потенциала

Тихоокеанской России. Сегодня этот ресурс используется малоэффективно, без должной координации внутри самого региона. Необходима политическая и организационная поддержка Центром различных институциональных и неформальных форм внутрирегионального взаимодействия в Северо-Восточной Азии как важной составляющей стратегии России в АТР. Государство пока плохо задействует ресурс при решении региональных и даже глобальных проблем, угрожающих интересам и безопасности России. В частности, как показала деятельность К. Пуликовского в должности полпреда Президента РФ по ДВФО, весьма эффективным может оказаться региональный уровень сотрудничества при разруливании корейской проблемы.

Интеграционные процессы в СВА при всей их сложности и непредсказуемости результатов на низовом уровне уже идут. Они являются менее политизированными, более человечными и поэтому могут стать более эффективными, чем процессы на межгосударственном уровне. И Россия своими восточными территориями в них участвует.

Третья — интеллектуальная. В России — это срочное наращивание интеллектуальных ресурсов для обеспечения азиатского вектора российской политики. Привлечение к этому всех, к сожалению скудных на сегодняшний день резервов. За пределами России — формирование благоприятного общественного мнения в странах региона. Россия объективно не способна навязать региону свои взгляды, интересы, подходы. Она вынуждена встраиваться в регион, бороться за то, чтобы обращать интересы соседей в свою пользу, использовать их для реализации своих планов. В этом контексте вопрос о взаимопонимании, взаимном политическом доверии между государствами и народами становится одним из ключевых.

Российская политическая, административная и деловая элита слабо готова к взаимодействию с Востоком. Для

этого ее надо научить и вооружить знаниями, пониманием сущности и логики Востока. Необходимо создание и поддержание (причем на мировом уровне) единого российского информационно-аналитического пространства, нацеленного на приобщение России к Восточной Азии и АТР. Необходимы принципиальные и решительные действия, направленные, в первую очередь, на укрепление и развитие интеллектуальной и кадровой составляющих этого пространства.

Первым шагом в этом направлении должно стать принятие на высшем уровне политического решения, нацеленного на развитие академического и практического востоковедения в России, аналогичного тем, которые принимались в стране 110 лет назад (о создании Восточного института во Владивостоке) и на рубеже 60—70-х гг. XX в., в период советско-китайского противостояния. В каждом случае они были запоздалыми. Не хотелось бы еще раз наступать на те же грабли.

Необходимо взращивание и поддержание системы научного сопровождения международных отношений и обеспечения безопасности в Восточной Азии. Ее составляющими должны стать меры по поддержке и развитию существующих востоковедческих учреждений России как академических, так и университетских, и создание новых, в том числе академического Тихоокеанского института международных отношений и проблем безопасности во Владивостоке. Второе направление — материальная и идеологическая поддержка постоянно действующих интеллектуальных площадок для обсуждения актуальных проблем региона с участием специалистов из европейской и Тихоокеанской России и стран АТР, развитие системы подготовки и повышения квалификации кадров в этих областях.

Необходим постоянный и тесный диалог власти с наукой, постановка задач и использование научно выверенных и обоснованных решений по вопросам формирования внешней и региональной политики и обеспечения безопасности. В этой сфере власть использует потенциал научной мыс-

ли очень ограниченно и выборочно — преимущественно то, что соответствует ее взглядам и представлениям, прибегая к услугам тех, кто готов предложить «правильные идеи» и «правильные решения». Ей еще предстоит научиться слышать критику и уважать чужое мнение.

Действия наших соседей по региону — Китая, Японии, США, Кореи, стран Юго-Восточной Азии в области внешней политики и обеспечения безопасности опираются на разработки и рекомендации научного сообщества. Россия им в этом отношении проигрывает. И существенно проигрывает. Это отставание необходимо устранить как можно быстрее.

Существует еще один принципиальный вопрос, на который я не нахожу ответа: как изменить философию и идеологию освоения сибирских и дальневосточных территорий, которых на протяжении веков придерживается российская интеллектуальная и властная элита? Заставить ее перестать смотреть на эти территории как на колонию, а на ее население как на инструмент, на орудие для решения каких-то государственных или частных вопросов? Убедить в том, что стратегию развития производительных сил Тихоокеанской России нужно заместить стратегией развития ее человеческого потенциала? Что для удержания Дальнего Востока в составе России нужны не миллионы русскоговорящих новопоселенцев, а создание условий для достойной жизни людей, для которых эта окраина Европы стала родиной.

Лежащий на поверхности ответ о необходимости изменить европоцентричное мировоззрение россиян проблемы не решает: на это уйдут в лучшем случае десятилетия, за которые большая часть Дальнего Востока рискует превратиться из нынешней периферии Европы и полупериферии Азии в задворки Евразии, в карьер транснациональных корпораций по добыче сырья и полигон для захоронения отходов производства. И не факт, что хозяином на этом заднем дворе будет Россия.

В 2007 г., формируя «Основные социально-экономические приоритеты развития России в 2007—2010 годах», правительство России на первое место поставило «развитие человеческого капитала, создание эффективной, ориентированной на конечный результат, социальной инфраструктуры»[93]. Однако в российском планировании по-прежнему все поставлено с ног на голову: главный приоритет — экономика, а люди рассматриваются лишь как средство для обслуживания интересов этой экономики. Или отдельных лиц, которые получают от нее баснословные прибыли.

* * * * *

В последние три года Российское государство сделало, действительно, многое и для продвижения России в АТР, и для изменения судьбы и статуса ее восточных районов. Последний по времени шаг — утверждение правительством многострадальной *Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года,* безусловно, заслуживающей серьезной критики, но дающей хоть какие-то ориентиры и нацеленной на «геополитический прорыв России в АТР», «формирование развитой экономики и комфортной среды обитания человека» на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе[94].

Но при этом почему-то никак не отпускает мысль, что эйфория скоро пройдет, запал Москвы иссякнет, и все вернется на круги своя, что она по-прежнему смотрит на Восток каким-то своим и непонятным для жителей этого Востока взором. Не проходит ощущение, что все это — не всерьез и ненадолго. Что грандиозные замыслы обернутся Нью-Васюками на берегах залива Петра Великого.

Почему же столь глубок скептицизм и самих дальневосточников, и зарубежных экспертов? Наверное, потому, что впервые на нашей памяти от слов перешли к делу. Потому,

что сделано очень многое в сравнении с тем, что делалось ранее, и очень мало, если оценивать сделанное с позиции того, что еще предстоит. Потому, что каждый новый документ, исходящий из центра, свидетельствует о неизменности его базовых взглядов и представлений об АТР, о Восточной Азии, о Дальнем Востоке России. Потому, что отучили народ верить власти, политикам, средствам массовой информации.

До реальной интеграции еще очень далеко. Даже первый шаг в этом направлении не сделан. Строятся лишь опоры будущего моста в АТР. Сотни миллиардов рублей, которые будут потрачены на Форум АТЭС-2012, инфраструктуру Владивостока и других дальневосточных городов, нефте- и газопроводы, новые промышленные объекты, — это не такая большая плата за продвижение в Азию, за формирование нового образа России в регионе, для стран и народов Восточной Азии куда более привлекательного, чем прежний образ сверхдержавы, бряцающей оружием. Но для России, имеющей множество нерешенных проблем в ее центральной части, не говоря уже о периферии, это плата немалая. Хватит ли решительности, финансовых средств, политической воли, чтобы жертвовать интересами других регионов и продолжать движение на Восток и после 2012 г., идти туда, где нас не ждут и не приветствуют?

Сегодня вряд ли кто сможет утвердительно ответить на эти вопросы. Но тот факт, что даже экономический кризис 2009 г. не заставил правительство отступить, внушает определенный оптимизм и надежду.

Триста лет назад, когда Петр Первый «прорубал окно в Европу», Россию там не слишком жаловали и совсем не ждали. И бояре московские «в Европы» не очень-то рвались. Скорее, наоборот.

Сегодняшнее окно в Азию нам не менее необходимо, что бы ни говорили по этому поводу скептики в самой России и за ее пределами. Пора ей становиться евразийской державой по-настоящему.

Примечания

[1] По мнению автора, понятия «Азиатско-Тихоокеанский регион» и «Тихоокеанская Россия» не чисто географические, а в большей степени геополитические и геоэкономические. В этом толковании АТР включает в себя страны Восточной Азии, выходящие «лицом» на Тихий океан (от Китая и Японии на севере до Индонезии и Сингапура на юге), а также США, Австралию, Новую Зеландию и Индию, которые сегодня имеют с этим регионом тесные связи и питают к нему особый интерес. Тихоокеанская Россия — территории нашей страны к востоку от оз. Байкал (Дальний Восток и Забайкалье), экономически тяготеющие к Тихому океану.

[2] Впервые возможность проведения этого мероприятия во Владивостоке озвучил губернатор Приморского края С. Дарькин в ноябре 2006 г., что было воспринято населением и экспертами с большой долей скептицизма. Однако 27 января 2007 г. во время короткой остановки в столице Приморья В. Путин провел совещание по вопросам подготовки председательства России в форуме АТЭС. На совещании он назвал Владивосток наиболее приемлемым местом для проведения форума, а саммит — «важным фактором развития Владивостока, Приморского края и всего Дальнего Востока» (Начало совещания по вопросам подготовки председательства России в форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество». 27 января 2007 года. Владивосток //http://www.kremlin.ru/appears/2007/01/27/1049_type63378type63381_117407.shtml.). Специальный указ о создании оргкомитета по подготовке и обеспечению председательства РФ в форуме АТЭС был издан 17 сентября 2007 г., после того как в Австралии на очередном саммите АТЭС была поддержана заявка России на председательство в форуме в 2012 г.

[3] Правительство России утвердило новый вариант программы стоимостью в 430 млрд. руб. в августе 2007 г., а в августе 2008 г. внесло в нее изменения в виде подпрограммы *"Развитие г. Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе"*, добавив на нее 202 млрд. руб. (Распоряжение Правительства РФ от 6 августа 2008 г. N 1128-р // http://www.government.ru/content/governmentactivity/rfgovernmentdecisions/archive/2008/08/06/3507349.htm).

[4] Вступительное слово В.В.Путина на совещании по вопросам подготовки к саммиту АТЭС 1 сентября 2008 г. //http://www.government.ru/content/rfgovernment/rfgovernmentchairman/chronicle/archive/2008/09/01/6859553.htm

[5] См.: Ларин В.Л. Тихоокеанская политика России в начале XXI века // Свободная мысль. 2007. № 2. С. 142—154.

[6] См.: http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml #

[7] Медведев Д.А. АТЭС: на пути к стабильному, безопасному и процветающему сообществу // http://www.kremlin.ru/transcripts/5981.

[8] Грызлов Б.В. Приоритетные задачи развития Дальнего Востока России // Третий Дальневосточный международный экономический форум. Т. 1: Материалы пленарных заседаний и рекомендации «круглых столов». Хабаровск: Правительство Хабаровского края, 2008. С. 9.

[9] Сделал это он на совещании в г. Владивостоке, посвященном стратегии социально-экономического развития дальневосточного региона и юга Приморья (http://deita.ru/?news,,,,108881).

[10] http://www.gudok.ru/index.php/64710

[11] Мэр Москвы Ю. Лужков заявил, что нынешним властям надо повторить подвиг Сергея Витте по освоению Дальнего Востока. По его словам, «...Москва строит жилые дома во Владивостоке и собирается расширять такого рода помощь». Глава МЧС С.Шойгу предложил вспомнить методы возрождения Дальнего Востока, существовавшие во времена царской России, например беспроцентные ссуды местному населению и освобождение мужчин от воинской службы (см.: http://www.energystate.ru/news/705.html).

[12] Только некоторые цифры свидетельствуют о глубочайшей взаимозависимости экономик США и стран СВА. В 2008 г. на долю КНР, Японии и Южной Кореи пришлось 20,5% всего внешнеторгового оборота и 25% импорта США, при этом дефицит США в торговле с ними составил 352,2 млрд. дол. За 11 месяцев кризисного 2009 г. доля этих стран во внешней торговле США выросла до 22,2%, в импорте — до 27,7%, а дефицит составил почти 259 млрд. дол. (U.S. Census Bureau Foreign Trade Statistics // http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/highlights/top/index.html). Объем японских инвестиций в американскую экономику превышает 230 млрд. дол., а японские компании обеспечивают работой более 600 тыс. американцев (Commerce official touts more Japanese investment in U.S. // The Japan Times online. 2008. 12 сент. - http://search.japantimes.co.jp/cgi-bin/nb20080912a6.html). Общий объем прямых американских инвестиций в китайскую экономику превысил 60 млрд. дол., в то время как китайский капитал владеет более чем 1200 фирмами и компаниями в США.

[13] Если в начале 1990-х гг. шли разговоры о частичном уходе США из Восточной Азии, то в конце десятилетия акценты сместились в противоположном направлении. Администрация Барака Абамы, по недавнему утверждению госсекретаря США Хиллари Клинтон, рассматривает отношения в АТР «в качестве приоритета Соединенных Штатов» и буквально с января 2009 г. «...начала создавать основы для их обновления» (Hillary Rodham Clinton. Remarks on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities. Speech at the East-West Center. Honolulu, Hawaii, January 12, 2010 // http://www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135090.htm).

[14] В частности, с 2000 по 2008 г. объем торговли России с КНР вырос в 7 раз, с Южной Кореей — в 6,4 раза, Японией — в 5,6 раза. Доля стран СВА во внешней торговле России увеличилась с 11,5% в 2006 г. до 14% в 2008 г.

[15] Минакир П.А. Экономика регионов //Дальний Восток. М.: Изд-во «Экономика», 2006. С. 633—634.

[16] В 2008 г. в общем объеме внешней торговли КНР на долю России пришлось 2,2%, Южной Кореи — 2%, Японии и Индии — по 1%, а стран АСЕАН лишь 0,6%. В общем объеме прямых инвестиций в страны АСЕАН доля России достигла в этом году 0,1%, тогда как в два предшествующих года фиксировалась на уровне 0,0% (См.: ASEAN External Trade Statistics // http://www.aseansec.org/18137.htm). Не большее значение имеют российские инвестиции в экономике Китая или Японии.

[17] На сегодняшний день в мире подписано около 150 соглашений о свободной торговле. Япония имеет такие соглашения с АСЕАН, Сингапуром, Мексикой, Чили, Малайзией; Южная Корея — с АСЕАН, США, Чили, Сингапуром; Китай — с АСЕАН, Гонконгом и Макао. С 1 января 2010 г. вступил в силу договор о свободной торговле между Австралией, Новой Зеландией и странами АСЕАН. В последнее время активно обсуждается вопрос о заключении трехстороннего соглашения между КНР, Японией и Южной Кореей.

[18] Концепция участия России в форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) // Россия в АТЭС и АТР. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 5.

[19] См.: Ларин В.Л. Российско-китайский регионализм как элемент восточно-азиатской интеграции // Развитие и углубление стратегического взаимодействия России и Китая. 2-й Российско-китайский форум по общественным наукам. М., 2007. С. 212—226.

[20] Богатуров А.Д. Новая структура геопространственных отношений в Центральной Евразии // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М.: МГИМО, 2007. С. 103.

[21] Латыпов Р. Меж двух огней // http://www.apn.ru/opinions/article10218.htm.

[22] Выступление министра иностранных дел России С.В.Лаврова на совещании «Восток России и интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе: вызовы и возможности». Москва, 3 июля 2009 года // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/12618fed035301f8c32575e8003ebd1a?OpenDocument.

[23] Учредительный форум Восточноазиатского саммита (ВАС) состоялся в декабре 2005 г. в Куала-Лумпуре. В середине 2005 г. Москва подала официальную заявку на членство в ВАС, однако против российского членства выступили Сингапур, Индонезия и Япония. В итоге на заседании Восточноазиатского саммита Президент России В. Путин довольствовался статусом гостя и выступлением на закрытой части форума.

[24] См.: http://timesofindia.indiatimes.com/world/rest-of-world/East-Asia-Summit-freezes-membership-for-2-years/articleshow/1539589.cms. По двум другим критериям — наличию диалогового партнерства с АСЕАН (межправительственное Соглашение о сотрудничестве России и АСЕАН в области экономики и развития подписано 10 декабря 2005 г. в Куала-Лумпуре и вступило в силу 11 августа 2006 г.) и договора с АСЕАН о предотвращении взаимной агрессии (Совместная декларация России и

АСЕАН о партнерстве в деле мира и безопасности, а также процветания и развития в АТР подписана 19 июня 2003 г. в Пномпене) — Россия подходит.

[25] См.: Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community / Ed. By Michael J. Green and Bates Gill. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2009. 382 p.

[26] Идею группы московских теоретиков о «евразийской природе» России как пропуске в клуб азиатских держав, как мосте между Востоком и Западом воспринял и Президент РФ Д. Медведев. Иначе он бы не говорил о ключевой роли Дальнего Востока «как связующего звена в налаживании и укреплении политико-экономических и гуманитарных связей между Европой и Азией» (Д.А. Медведев. Участникам и гостям Дальневосточного международного экономического форума. 30 сентября 2008 г. // Третий Дальневосточный международный экономический форум. Т. 1: Материалы пленарных заседаний и «круглых столов». Хабаровск: Правительство Хабаровского края, 2008. С. 7).

[27] Единственным академическим институтом в России, ориентированным на изучение современной Восточной Азии, является Институт Дальнего Востока РАН, чьи сотрудники, прежде всего директор института, академик М.Л. Титаренко, активно пропагандируют развитие Дальнего Востока как платформы для интеграции России в АТР. Небольшие группы специалистов занимаются этими проблемами в Институте востоковедения, Институте мировой экономики и международных отношений РАН, а также в ИСАА МГУ и МГИМО. Они регулярно признают, бывая на Дальнем Востоке, что оттуда видение АТР, Восточной Азии, отношений России со странами Азии и российской политики в регионе является иным, отличным от того, что у них формируется в Центральной России.

[28] Богатуров А.Д. Указ. соч. С. 74.

[29] Blank Stephen. Russian Energy and the Korean Peninsula // East Asia. 2008. No. 5. P. 32; Wishnick Elizabeth. Energy in Northeast Asia: Resources for Conflict or Cooperation? Introduction // East Asia. 2008. No. 5. P. 2.

[30] См.: Отчет о 5-м японо-российском форуме. Tokyo: The Japan Foundation, 2007. С. 210.

[31] Чжоу Юншэн. Элосы дэ синь ячжоу чжэнцэ (Новая политика России в Азии) // Элосы яньцзю. 2006. № 1. С. 24.

[32] См.: Hakamada Shigeki. Resurgence of Major-power Ambitions and Changes in Russia's Foreign Policy // Russia's Shift toward Asia / ed. by Hiroshi Kimyra. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2007. P. 11.

[33] Ващук А.С. Миграционная ситуация на российском Дальнем Востоке в начале XXI в.: новый век, старые проблемы // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2009. № 2. С. 69—70.

[34] См.: Концепция участия России в форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) // Россия в АТЭС и в АТР. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 5—8.

[35] Справедливости ради отмечу, что в июле 2008 г. Д. Медведев высказался за «...открытые системы коллективной безопасности: прежде всего в Европе, а также в Северо-Восточной Азии, районе Персидско-

го залива и в целом на Ближнем Востоке, в других регионах мира» (Выступление Президента России Д.А.Медведева на совещании послов и постоянных представителей России за рубежом. Москва, Министерство иностранных дел, 15 июля 2008 года // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/8A303CA2F35BAD02C325748800326685), что применительно к СВА теоретически привлекательно, но практически недостижимо.

[36] Sakwa Richard. 'New Cold War' or twenty years' crisis? Russia and international politics // International Affairs. 2008. No. 2. P. 244—246.

[37] Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 13.

[38] Seeking a New Strategy for Japan's Economy // Japan Echo. 2009. October. P. 7.

[39] На долю стран АТР приходится около 2/3 валового продукта в мире. Первая шестерка самых крупных обладателей золотовалютных запасов — это страны АТР (Китай, Япония, Россия, Тайвань, Индия, Южная Корея).

[40] Samuelson Robert M. What China's $2.4 trillion mean // The Japan Times. 2010. January 28. P. 13.

[41] Отражением этих тенденций стал выход в свет (март 2009 г.) «манифеста» китайских националистов, книги «Китай недоволен». Ее авторы настойчиво утверждают, что Китай должен перестроить мировой порядок, захватить лидирующие позиции в мире, избавиться от западного влияния и рассчитаться с Западом за все нанесенные ему в прошлом обиды и унижения [Чжунго бу гаосин. Да шидай, да мубяо цзи вомэньдэ нэй ю вай хуань (Китай недоволен. Великая эпоха, великие цели и наши внутренние и внешние неурядицы). Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 2009]. Изложение содержания книги на русском языке см.: Галенович Ю.М. О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». М.: ИДВ РАН, 2009.

[42] В Японии это явление особенно проявилось в период премьерства Д. Коидзуми (апрель 2001 — сентябрь 2006 г.). Его проявлениями стали регулярные визиты премьер-министра в храм Ясукуни, одобрение министерством образования Японии школьных учебных пособий по истории, искажающих, с точки зрения Китая и Кореи, историю первой половины XX в. В результате в апреле 2005 г. более 30 городов Китая потрясли стихийные антияпонские выступления, участие в которых приняли сотни тысяч людей. Антияпонские демонстрации прокатились и по Южной Корее. Политические отношения между Японией и этими двумя странами серьезно ухудшились.

[43] Национализм и исторические реминисценции являются одной из основ, на которой отдельные лица пытаются создать платформу для объединения Кореи. В Северной и Южной Корее распространяется концепция, исходя из которой местом рождения мировой цивилизации были Корейский полуостров и Маньчжурия. Например, Центральный исторический музей в Пхеньяне демонстрирует находки и документы, которые доказывают, что человеческая цивилизация зародилась на Корейском полуострове, а предки современных корейцев превосходили другие на-

роды своими культурными и военными достижениями (см.: Задворная Е.С. Влияние культурной идентичности на межгосударственные отношения на Корейском полуострове // Россия и АТР. Владивосток, 2008. № 3. С. 156—158).

[44] Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М.: МГИМО, 2007. С. 43.

[45] См.: Бирюлин Е. 11-й пятилетний план охраны окружающей среды и тенденции энергопотребления в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 112—120.

[46] См.: Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (основные положения) // http://www.scrf.gov.ru/documents/23.html; Постановление Правительства РФ от 27 декабря 1996 г. N 1569 "О первоочередных мерах по реализации Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положений) // http://www.humanities.edu.ru/db/msg/12048.

[47] См.: http://www.dfo.gov.ru/info/interview/25.htm.

[48] По данным таможенной статистики, на долю этих трех государств в 2008 г. пришлось 76,5% всего внешнеторгового оборота ДВФО (Обзор внешнеэкономической деятельности дальневосточного региона за 2008 г. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2009. № 1. С. 22).

[49] В 2008 г. на долю Китайской Народной Республики приходилось 97,4% внешней торговли Забайкальского края, 93% — Еврейской автономной области, 75% — Амурской области, более 50% — Республики Бурятия, более 40% — Хабаровского и 36,5% — Приморского краев.

[50] См.: Круглов В.Н., Доценко Д.В. Системный анализ экономической безопасности региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 21. С. 30.

[51] В структуре товарных запасов г. Благовещенска более половины приходится на импорт, 90% этого импорта — из КНР (Рыжова Н. Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 69).

[52] В 2007 г. СМИ активно муссировали тему переселения пенсионеров г. Благовещенска на жительство в соседний г. Хэйхэ. Туда их привлекают дешевизна жилья (аналогичная квартира в Хэйхэ в 3—4 раза дешевле, чем в Благовещенске), мизерные коммунальные расходы, низкие стоимость жизни и уровень инфляции в Китае. Китайские власти активно предлагают россиянам покупать квартиры в приграничных городах Дуннин, Суйфэньхэ, Хэйхэ (См.: Климов Д. На пенсию в Китай // http://www.burocrats.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r653r070608210709; Котов Ф. Амурская область переезжает в Китай? // Амурское утро. 2007. 3 янв.; Харченкова Д. На пенсию в Китай // Дальневост. ведомости. 2007. 4—11 июля; Полуяктова Е. Меняю однокомнатную квартиру во Владивостоке на апартаменты в Суйфэньхэ // Комсомольская правда. Владивосток. 2007. 17 ноября. С. 14).

[53] Меламед И.И. Основные положения стратегии Дальнего Востока и Забайкалья // Третий Дальневосточный международный экономический

форум. Т. 2: Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока России в контексте формирования новой модели национальной экономики, ориентированной на развитие человеческого капитала. Хабаровск: Правительство Хабаровского края, 2008. С. 142.

[54] См.: Дальневосточный регион в социально-экономическом пространстве России: проблемы и пути их решения. М.: Изд. Совета Федерации, 2009. С. 20—23.

[55] Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года // http://government.ru/gov/results/9049. С. 5. Утверждена распоряжением правительства РФ № 2094-р от 28 декабря 2009 г. Впервые поручение разработать такую стратегию Президент РФ В. Путин дал Министерству регионального развития на заседании СБ РФ в декабре 2006 г. Первый вариант стратегии был обнародован в конце марта 2007 г., но на первом заседании Госкомиссии по развитию ДВ и Забайкалья был раскритикован за крайне декларативный характер и неконкретность в деталях. Создание стратегии было поручено Министерству экономического развития, но и оно провалило задание президента, после чего функции разработчика вновь передали Минрегионразвития. В начале октября 2008 г. были озвучены наметки нового варианта стратегии, разработанной по заданию министерства «Международным центром развития регионов» (во главе с И. Меламедом), вариант обсуждался, корректировался, но вновь был отвергнут. Общественности был представлен новый вариант, который, несмотря на жесткую критику по всем направлениям (см., например, результаты обсуждения на «Мега-форуме», - http://www.mega-mir.com/forum/forum76/topic665/message8424/ # message8424) был утвержден правительством.

[56] В январе 2009 г. Пекин опубликовал очередную «Белую книгу по обороне», в соответствии с которой военный бюджет страны в 2007 г. составил 355 млрд. юаней (52 млрд. дол.), в 3 раза больше, чем в 2000 г. [2008 нянь чжунгодэ гофан (Национальная оборона Китая 2008). Пекин: Гоуюань синьвэнь бангунши, 2009 - http://www.gov.cn/zwgk/2009-01/20/content_1210224.htm]. Зарубежные эксперты обычно удваивают, а то и утраивают эти цифры.

[57] На параде были продемонстрированы 50 различных типов новейших вооружений, включая межконтинентальную баллистическую ракету Dongfeng-31A с ядерной боеголовкой, ракетные системы большой дальности (в частности, китайский «Томагавк» — Changjian-10), противокорабельные ракеты (Dongfeng-21), самолеты, танки и боевые машины пехоты.

[58] См.: Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / отв. ред. Г.И. Чуфрин. М.: Наука, 2007. С. 56.

[59] См.: Барабанов М. Бумажный дракон. Представления о военной мощи Китая сильно преувеличены // Однако. 2009. 19 окт. С. 21—25.

[60] Rozman Gilbert. Japan — China Relations in the Russian Shadow // Japan's Relations with China. London and N.Y.: Routledge, 2006. P. 228—229.

[61] Пекин не скрывает своих надежд вернуть остров в лоно единого Китая к 100-летию образования КНР (2049 г.), а в марте 2005 г. принял специаль-

ный закон, закрепляющий его право использовать «...немирные и другие необходимые средства для защиты суверенитета и территориальной целостности страны» [См.: Фань фэйли гоцзя фа (Закон против раскола страны) // http://www.fmprc.gov.cn/chn/gxh/zlb/zcwj/t187116.htm]. Это обстоятельство создает потенциальную угрозу развязывания крупного вооруженного конфликта с серьезными последствиями для всего региона и мира.

[62] Пань Чжунци, Хуан Жэньвэй. Чжунго дэ диюань вэньхуа чжаньлюэ (Культурная геостратегия Китая) // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2008. № 1. С. 49.

[63] Desker Barry. New Security Dimensions in the Asia-Pacific // Asia-Pacific Review. 2008. Vol. 15. No. 1. P. 57.

[64] О начале использования Китаем стратегии «мягкой силы» на 17-ом съезде Компартии Китая в 2007 г. официально объявил Председатель КПК Ху Цзиньтао. Тогда он высказался о необходимости усилить значение «мягкой силы» во внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии Китая. Исходя из выдвинутой в конце 1990-х гг. и признанной в КНР концепции, «мягкая сила» трактуется Пекином как сочетание политической, дипломатической, культурной и образовательной силы.

[65] Концепцию «Пекинского консенсуса» как модели для развивающихся государств, в противовес не оправдавшей себя неолиберальной идее «Вашингтонского консенсуса», выдвинул в мае 2004 г. Joshua Cooper Ramo, консультант американской инвестиционной компании Goldman Sachs. Подробнее см.: Бергер Я. Китайская модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 9. С. 73—81.

[66] Karimova Gulnara. Application of Soft Power Strategy on Asian Civilization Space // Contemporary International Relations. 2009. Vol 19. No. 6. November/December. P. 21.

[67] Исторические дискуссии между Японией и Южной Кореей по поводу принадлежности острова Токто (Такэсима), а между Японией и Китаем — островов Сенкаку (Дяоюй) в последнее время заметно обострились, как и споры об этнической принадлежности правителей государств Бохай (давние) и истории государства Когурё (совсем свежие), которые имеют самое прямое отношение к прохождению границы между Китаем и Кореей. В 2002 г. Центр по изучению истории границ Китая (пров. Цзилинь) объявил о начале реализации так называемого «Северо-восточного проекта», одним из звеньев которого стало новое прочтение истории Когурё (37 г. до н.э. — 668 г. н.э.), одного из трех раннефеодальных корейских объединений, располагавшегося на части территории Маньчжурии и севере Корейского полуострова. Новая китайская версия истории Когурё утверждает, что это государство было всего лишь китайской провинцией, а поэтому большая часть Корейского полуострова исторически принадлежала Китаю. Поскольку проект получил мощную поддержку на государственном уровне и широкую рекламу в СМИ, корейская сторона оценила этот исторический выпад со стороны Пекина как «как самую серьезную среди всех потенциальных проблем, существующих между двумя государствами» (Taeho Kim. Sino-ROK Relations at a Crossroads:

Looming Tensions amid Growing Interdependence // The Korean Journal of Defense Analysis. 2005. Vol. XYII. No. 1. P. 142—143).

[68] Речь идет о потенциально возможных территориальных претензиях к России, основанных на истории: территория корейского государства Бохай (698—926 гг.) частично захватывала Южное Приморье. А поскольку в Азии история — это не столько область знаний, сколько образ общественного мышления и мощное идеологическое оружие, то апелляция к историческому прошлому является традиционно весомым и даже решающим аргументом в политических и философских дискуссиях, а сегодня — одним из регуляторов двусторонних отношений.

[69] В число таких катастроф специалисты центра включают только случаи, в которых погибло не менее 10 или пострадало не менее 100 чел.

[70] Rodriguez Jose, Vos Femke, Below Regina, Guha-Sapir D. Annual Disaster Statistical Review 2008. The numbers and trends. Brussels: Centre for Research on the Epidemiology of Disasters, 2009. P. 7—8.

[71] Угрозы XXI века: Лекция Дмитрия Тренина, прочитанная 6 июля 2006 г. в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру» // http://www.polit.ru/lectures/2006/07/12/trenin.html.

[72] http://www.kremlin.ru/appears/2006/12/20/1548_type63374type63378type82634_115650.shtml.

[73] Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 307.

[74] Концепция внешней политики Российской Федерации // Внешняя политика и безопасность современной России (1991—1998): Хрестоматия в 2 т. Т. 2: Документы. М. 1999. С. 39.

[75] Концепция участия России в форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество»... С. 6.

[76] Один пример, чтобы не быть голословным в этом утверждении: в декабре 2009 г. «РИА Новости» проводило интернет-опрос пользователей сети с одним вопросом: «Какие события, произошедшие в мире в 2009 году, вам кажутся наиболее важными?» (http://www.rian.ru/vote/20091214/199238368-results.html). Только одно событие из 17 упомянутых в предложенном перечне — проведение КНДР ядерных испытаний — имеет отношение к Восточной Азии и АТР.

[77] Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников (по итогам опроса населения 2008 г.) // Россия и АТР. Владивосток, 2009. № 1. С. 47.

[78] Николаева Т. Вместо «японок» оседлаем «приморцев» // Владивосток. 2009. 16 окт.

[79] Экономическая безопасность Приморского края. 2009: Аналитическая записка. Владивосток: Приморстат, 2009. С. 41.

[80] К примеру, в Амурской области объем «народной торговли» в 2,5—3 раза превышал масштабы официального торгового оборота области с Китаем. Еще большие масштабы «челночная торговля» приобрела в Приморском крае. В 2008 г. из Приморья выезжали в Китай 1 млн. 139 тыс. граждан России, из них 899,6 тыс. — по линии туризма (см.: Приморский край 2009. Социально-экономические показатели. Статистический еже-

годник. Владивосток: Приморстат, 2009. С. 141), немалая часть этих «туристов» (по самым скромным оценкам — до 30%), занималась перевозкой товаров для российских и китайских бизнесменов.

[81] См.: Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия в трансграничном пространстве Благовещенск — Хэйхэ // Вестн. ДВО РАН. 2007. № 5. С. 138—141.

[82] Инь Цзяньпин. Элосы цзиньжун вэйцзи чжихоудэ чжун-э маои синши (Состояние китайско-российской торговли после валютного кризиса в России // Сиболия яньцзю. 1999. № 1. С. 28—29.

[83] Rozman Gilbert. Strategic Thinking about the Russian Far East. A Resurgent Russia Eyes Its Future in Northeast Asia // Problems of Post-Communism. 2008. January/February. P. 41.

[84] Rozman Gilbert. Japan — China Relations in the Russian Shadow... P. 229.

[85] Подробнее см.: Zhao Hongtu. China's Overseas Energy Investment: Myth and Reality // Contemporary International Relations. 2009. Vol. 19. Special issue. March. P. 89—120.

[86] Алексеев В.В., Алексеева Е.В, Зубков К.В., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XYI-XX века. М.: Наука, 2004. С. 151.

[87] И. Лукоянов, проделавший серьезный анализ политики России в Северо-Восточной Азии на рубеже XIX—XX в., приходит к неутешительному выводу, что стремление Петербурга угнаться за другими державами в колониальной экспансии, неспособность власти сформировать действительные интересы империи и предложить средства их реализации, непрофессионализм и непоследовательность в принятии решений в конечном итоге завели эту политику в тупик (См.: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. — 668 с.).

[88] По утверждению Э. Шеварнадзе, обустройство советско-китайской границы обошлось стране в 200 млрд. руб. (см.: Правда. 1990. 5 июля). При этом вся доходная часть годового бюджета СССР в начале 80-х гг. лишь немного превышала 300 млрд. руб.

[89] Путин В. В. Выступление на встрече с членами Международного совета предпринимателей в рамках проходящего в Давосе Всемирного экономического форума. Давос. 2009. 29 янв. // http://premier.gov.ru/visits/world/95/1931.html.

[90] Эта «расчетливая стратегия» расшифровывается как «...прагматичный подход с акцентом на приоритете внутреннего экономического роста и стабильности, выстраивании дружественных международных отношений, относительная сдержанность в использовании силы, сочетаемая с растущими усилиями по созданию современных вооруженных сил, и усилия в достижении ассиметричных целей в международной политике» (Swaine Michael D., Tellis Ashley J. Interpreting China's Grand Strategy. Santa Monica: RAND, 2000. P. 97—98).

[91] Подробнее см.: Kevin Rudd. It's time to build an Asia Pacific Community. Address to the Asia Society. Austral Asia Centre, Sydney, 4 June 2008 // http://www.pm.gov.au/node/5763; Ibid. Address at Shangri-La Dialogue — Singapore, 29 May 2009 // http://www.pm.gov.au/node/5128.

[92] См.: Address by H.E. Dr. Yukio Hatoyama, Prime Minister of Japan, Japan's New Commitment to Asia — Toward the Realization of an East Asian Community", Singapore, 15 November. 2009 // http://www.kantei.go.jp/foreign/hatoyama/statement/200911/15singapore_e.html

[93] http://www.government.ru/government/rfgovernment/rfgovernmentchairman/chronicle/archive/2007/03/28/1672327.htm

[94] Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона... С. 7. В то же время намерение правительства добиться этого путем «достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития» на Дальнем Востоке выглядит, по меньшей мере, утопией: таким уровнем благосостояния и условий жизни население здесь не удержать и сюда не привлечь, тем более не заманить высококвалифицированные кадры.

Сокращенная стенограмма обсуждения доклада на «круглом столе»

19 ноября 2009 г., конференц-зал Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Ларин В.Л. Коллеги, добрый день. На сегодняшнее обсуждение я хотел бы вынести доклад в несколько ином виде, чем он был представлен на заседании Президиума ДВО РАН 8 октября. Мое выступление вызвало положительную реакцию членов Президиума, доклад получил рекомендацию к изданию, однако уже тогда у меня возникла определенная неудовлетворенность ходом обсуждения, главным образом потому, что из-за лимита времени на дискуссии я так и не услышал реакцию коллег на ряд принципиальных вопросов в докладе. А в нем есть важные позиции, которые мне хотелось бы по-настоящему обсудить. И только после этого, после замечаний со стороны ученых и практиков выполнить рекомендацию Президиума.

Начать разговор я бы хотел с проблемы, которая поставлена во главу угла: о месте России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и ее шансах на интеграцию. Однако АТР — это достаточно размытое понятие. Ядром, мотором, локомотивом развития всего этого региона сегодня является Восточная Азия, под которой я понимаю и Северо-Восточную, и Юго-Восточную Азию. Восточная Азия — это действительно очень большой регион, от Хоккайдо или бухты Провидения на севере и до Сингапура, Индонезии и Филиппин на юге. И, безусловно, сегодня говорить о Восточной Азии, о процессах, которые здесь происходят, без учета интересов и политики США и Индии практически невозможно.

Вопрос об интеграции России в АТР возникает постоянно и активно обсуждается. Периодически говорят об успехах российской интеграции. Чаще жестко критикуют ее неудачи. Сегодня я хотел бы вести разговор об объективных посылках и препятствиях для России в этой интеграции. Однозначно скажу, что я сторонник продвижения России в АТР. Я сторонник того, чтобы Россия была частью АТР, но при условии, что Россия должна быть полноправным и равноправным участником всех процессов, которые здесь происходят.

И еще одно предварительное замечание. Я специально заострил некоторые аспекты проблемы. О чем-то можно было бы говорить помягче, более обтекаемо. Однако, поскольку эти проблемы существуют, говорить о них правду все же необходимо.

(Доклад)

Кожевников В.В. *(ведущий «круглого стола», зав. центром внешней политики и международных отношений Японии ИИАЭ, к.и.н.)*. Уважаемые коллеги! Мы прослушали презентацию доклада и сейчас переходим к его обсуждению.

Лобода В.Н. *(депутат Думы г. Владивостока)*. Будем исходить из того, что для интеграции надо самому представлять интерес для других. Давайте подумаем, а насколько мы интересны Китаю, Японии? Правильно было сказано, что с точки зрения природных ресурсов мы представляем интерес, но с точки зрения остальной экономики — нет. А теперь подойдем к этому с другой стороны. Москва желает интегрироваться в АТР или нет? И так ли она виновата? Давайте исходить из того, что в стране за долгий период времени разработано более 20 программ по различным направлениям развития Сибири и Дальнего Востока. На сегодняшний день в Хабаровске почти все эти программы задействованы, у нас же в Приморском крае — максимум пять. Не в этом ли причины нашей «неинтересности» для зарубежных партнеров?

Ларин В.Л. Как я понял, Вы намекаете на ответственность местных властей. Это, безусловно, очень важный фактор. Можно приводить разные примеры и искать объяснения, почему иностранный капитал идет в Хабаровский край, а не хочет идти в Приморский край? Факты эти хорошо известны. Готовность местной власти к интеграции можно обоснованно добавить к тем препятствиям, о которых я говорил. Но я специально не стал выносить эту тему на обсуждение, потому что проблема качества российской власти, да и качества российского менеджмента на всех уровнях вообще — это тема отдельная. Это, с моей точки зрения, — одна из главных проблем современной России. У нас очень низкое качество управления. Это обстоятельство обусловлено разными причинами. Можно также говорить о коррупции. Но даже если исключить фактор коррупции, уровень управления и способность власти к управлению в России весьма низки. У власти находится много людей, которые не способны руководить, не имеют ни навыков, ни опыта, ни достаточного образования для того, чтобы управлять. Отсутствует реальная система оценки качества управления, отсутствует ответственность за плохую работу. Если мы возьмем властную вертикаль, то сразу возникает вопрос: исходя из каких критериев наверху оценивают качество управления внизу? Кроме этого, можно порассуждать об отсутствии гражданского общества в стране и так далее.

Теперь об интересе со стороны Китая и Японии. У Китая интерес ясный, понятный, четко очерченный. Пекин его декларировал множество раз, он свои интересы не скрывает. У Японии тоже есть определенный интерес. Но у Японии есть сдерживающие факторы, о которых мы часто вспоминаем. При этом Курильская проблема — не главная. Самая главная проблема — это сверхосторожность японского бизнеса. Он идет только туда, где ситуация проверена, где нет опасности, что вложенный капитал просто-напросто конфискуют, как

это было на Сахалине с известной гостиницей. Или как у нас, когда гостиницу «Хёндэ» окопали рвами и траншеями. Этот вариант мы прекрасно знаем. Вот это, наверно, и есть главная причина. И те же декларации Китая о готовности инвестировать большие деньги в Россию реализуются только тогда, когда это будет обещать ему прибыль. Они готовы инвестировать не потому, что у нас с Китаем стратегическое партнерство. Нет. Деньги вкладываются туда, где ожидается выгода, будет прибыль. А такую прибыль увидеть сегодня в России достаточно трудно.

Кожевников В.В. Пожалуйста, коллеги. Кто еще хотел бы выступить? Только сразу представляйтесь.

Горохов В.С. *(почетный консул Австралии в г. Владивостоке).* Вы говорите о процессе интеграции России в Восточную Азию. Являются ли процессы интеграции в Восточной Азии частью процесса глобализации или они проходят параллельно? В каком соотношении находятся эти два процесса?

Ларин В.Л. Я думаю, они идут и параллельно, и самостоятельно. Вообще, что Вы подразумеваете под глобализацией?

Горохов В.С. Я имею в виду глобализацию в широком смысле этого слова. Не только экономическую — создание корпораций и взаимодействие на всех уровнях, но и политическую глобализацию. Конфликты, которые возникают в каком-то регионе, но приобретают мировое значение.

Ларин В.Л. Во-первых, все-таки в Восточной Азии и АТР идет процесс экономической глобализации. Политической интеграции здесь нет, за исключением АСЕАН.

Горохов В.С. В АСЕАН высказываются различные предложения по этому поводу.

Ларин В.Л. Предложений масса, но это еще не есть интеграция. Что понимается под политической интеграцией? Вот в Западной Европе сейчас наблюдается процесс политической интеграции, они с нового года изберут президента ЕС. Это и есть политическая интеграция.

Горохов В.С. Но они к этому долго шли.

Ларин В.Л. Да, они к этому долго шли. Я пока не могу представить подобные процессы в Азии. Здесь две Кореи объединиться не могут. Экономическая интеграция идет в разных формах, и глобализация эти процессы, конечно, подталкивает. Сегодня, по сути, существует единая мировая финансовая система. Существует общая мировая производственная система в форме деятельности транснациональных корпораций. Но есть ли в реальности жесткое понимание интеграции? Что такое жесткое понимание? Честно говоря, я даже и сформулировать не могу. Может быть, Тагир Даутович подскажет, что такое интеграция в ее жестком понимании?

Хузиятов Т.Д. *(заведующий кафедрой мировой экономики ДВГУ, к.э.н.)*. На эти проблемы можно посмотреть с нескольких точек зрения. Я буду брать, с вашего позволения, аспекты экономические. С формальной точки зрения, можно структурировать этапы продвижения к полной интеграции, к чему подошел ЕС, начать со свободной торговли, таможенного союза, общего рынка и т.д. Это формальная сторона. Потом создаются единые наднациональные органы с передачей своих национальных функций. Пока, по большому счету, в АТР вообще и его части — Восточной Азии — таких передач наднациональных функций нет, даже в рамках АСЕАН. Строго говоря, в АСЕАН пока нет формальной интеграции, хотя бы в виде зоны свободной торговли в региональном, «общеасеановском» масштабе. Да, есть ряд соглашений о свободной торговле и между странами АСЕАН, и между странами, не входящими в АСЕАН. Есть несколько более широких соглашений об экономическом партнерстве, которые подразумевают и свободную торговлю, и свободные инвестиции. Существует два взгляда на дальнейшее развитие интеграции. Один, который доминирует, сводится к тому, что именно сеть двусторонних и многосторонних соглашений о свободной торговле и экономическом партнерстве станет фундаментом полноцен-

ной общерегиональной экономической интеграции в АТР.

Другая точка зрения, скорее, пессимистичная в отношении будущего АТЭС вообще и экономической интеграции в АТЭС, в частности, утверждает: ничего здесь не получится. Не получится потому, что АТЭС сознательно или бессознательно ушел от тех двух целей, которые ставил перед собой 20 лет назад — свободная торговля и доступ к технологиям. Организация стала заниматься всем подряд: экологией, образованием, пятым, десятым, двадцать пятым и так далее. Но это формальный аспект. А ведь есть интеграция и неформальная. Есть интеграция на макроуровне, проводимая государствами, правительствами, закрепленная подписанием всякого рода соглашений. А есть интеграция на микроуровне, т.е. реальное повседневное взаимодействие предприятий. Если посмотреть на то, что делается в АТР и в Восточной Азии, в частности, то мы увидим очень серьезное взаимопроникновение в этом сегменте деловой жизни. Увидим колоссальный уровень развития производственной кооперации, чего, забегая вперед, скажу: у России нет и в обозримом будущем, судя по всему, не будет. А с экономической точки зрения, это главнейший камень, скала на пути нашего вхождения в регион. Потому что российское участие в делах региона — это экспорт—импорт, т.е. купил—продал. Есть, конечно, возобновляемые сделки, долгосрочные контракты. Опять купил — продал. А в повседневном взаимодействии на кооперационной основе мы практически не участвуем.

Что касается вопроса, есть ли интеграция в регионе или нет? Если посмотреть на долю внутрирегиональной торговли во всем объеме торговли стран, входящих в АТЭС, то фактически эта доля составляет более 60% — это примерно на уровне ЕС. Взаимозависимость от чисто торговых операций довольно высокая, гораздо больше, чем в НАФТА, где она составляет 50 %. Я уже не говорю об остальных более мелких формальных показателях, свидетельствующих, что интегра-

ционные процессы идут и довольно сильно. Но самое главное, повторю, это не объемы сделок и не доля внутрирегиональной торговли, а производственная кооперация, потому что, если посмотреть, каким образом производится продукция, то только за счет кооперации. Нигде нет — ни в Японии, ни в Китае — предприятий, которые производят у себя все «от и до». Это нерационально и бессмысленно. И пока мы не сможем внедриться в такие кооперационные сети, основываясь на понимании своей значимости, на понимании значимости своих партнеров, у нас не будет реальной интеграции, как бы красиво ни звучали наши отчеты по так называемому индивидуальному плану действий в АТЭС. Есть такой план у каждой страны — члена АТЭС, поскольку АТЭС существует добровольно, каждый сам принимает на себя обязательства, периодически отчитывается, как он идет к целям свободной торговли, свободных инвестиций. В этом году Россия отчитывалась в очередной раз. На самом деле отчет — это серьезно, это не просто то, что показали наши министерские чиновники, а еще и оценка экспертного сообщества, назначенного секретариатом АТЭС, с большим числом вопросов и ожидаемых ответов. Причем ответов по существу, а затем вопросов «вдогонку» и опять ответов, желательно максимально конкретных.

Как признается в АТЭС, по сравнению с прошлым отчетом 2005 года у нас есть мощное движение вперед. Понятное дело, если сравнивать с подавляющим большинством стран региона, то наше движение к общим целям идет медленнее. Я не беру, конечно, такие государства, как Мьянма. Формальные показатели говорят о том, что мы уступаем. Я уже упоминал, что доля внутрирегиональной торговли в совокупном торговом обороте региона составляет 60 %. Конечно, это можно рассматривать как усредненный показатель взаимозависимости. Средний показатель всегда подобен средней температуре больных в палате. Так, вот, для России доля всего АТЭС — 20 % от нашей торговли. Это очень мало. Поэтому формаль-

ный и неформальный показатели нашей интеграции пока что, к сожалению, настраивают на пессимистический лад.

Я абсолютно разделяю идею и посыл этой презентации, потому что нет у нас взаимодействия кооперационного, взаимодействия во всяких рабочих органах, где мы представлены безобразно плохо. Причем не заметно, чтобы количество и качество нашего участия в постоянно действующих рабочих группах, комитетах, комиссиях, в деловом совете как-то менялось. Нас там нет, мы в повседневной работе участвуем плохо. А объясняется это просто: у нас даже нет понимания, что такое АТР в целом, что уже говорить о Восточной Азии и о том, как нам себя с ними вести. Я думаю, что Россия в этом не одинока, потому что европейцы и американцы тоже не все до конца понимают.

Я недавно познакомился с выступлением человека, которого уважаю как политика — Махатхира Мохаммада, долгое время бывшего премьер-министром Малайзии. Чрезвычайно умный политик. По его мнению, в мировой политике принята ошибочная установка, что нужно стремиться делать все на европейский лад. Почему на европейский лад? Кто сказал, что именно европейские ценности разделяются всеми и вся? А есть и другие ценности, но европейцы этого не понимают. Это подтверждает, что Россия не одинока в неполном понимании Азии в целом и Восточной Азии, в частности. Пока не будет понимания, прежде всего, что есть для нас Восточная Азия, каким боком мы, вроде бы евроазиатская страна, в этих процессах участвуем или не участвуем, влияем на них или не влияем, извлекаем для себя что-то, боимся или создаем стену, или открываем ворота нараспашку — не будет ничего.

Посмотрите, как мы ведем себя с Китаем. Вот один из примеров. Начиная с заключения соглашения о стратегическом партнерстве (хотя, с моей точки зрения, эта фраза, этот речевой оборот позволяет включать в него все, что угодно) вплоть до последней программы по взаимодействию регионов, кото-

рая еще нуждается в серьезнейшей экспертной оценке, наши телодвижения были, по сути, реактивными в смысле попыток реакции на происходящее. Если их попытаться оценить, то увидим — мы не понимаем, что есть для нас Китай. Точно так же мы не понимаем, что для нас есть Восточная Азия. А наша политика в отношении Китая? То мы готовы броситься в объятия, то создаем какие-то невероятные препятствия этим несчастным челнокам, то говорим о стратегическом партнерстве, то пугаемся эксперимента, который и из космоса толком не увидишь, это я про ПТЭК говорю. Казалось бы, кто мешает ввести эксперимент на пять лет и посмотреть. Пойдет — давайте развивать достигнутое, распространять такую форму сотрудничества. Не пойдет — все, давайте его закроем. А почему нет? Я разделяю мнение Виктора Лаврентьевича, что во многом такая ситуация объясняется тем, что критическая масса знающих людей не сформировалась, а те, кто есть, не востребованы. Власть, к сожалению, очень часто пытается показать, что она сама умная или самая умная.

Кожевников В.В. Спасибо, Тагир Даутович. Продолжим. Я хотел обратить Ваше внимание, коллеги, на то, что мы обсуждаем не только теоретические вопросы и интеграцию, но еще Виктору Лаврентьевичу интересна и оценка собственного доклада, в том числе в деталях и конкретных утверждениях, какие-то рекомендации, какие-то вопросы. Поэтому, пожалуйста, обсудим общетеоретические и практические стороны доклада, рекомендации, может быть, есть советы или неясности. Прошу их тоже высказывать и обсуждать.

Кожевников А.Е. *(декан факультета китаеведения Восточного института ДВГУ, к.и.н.)*. Тема, которая сегодня вынесена на обсуждение, с одной стороны, провокационна, потому что, если говорить честно и откровенно, мы должны вести речь об очень критических и, вполне возможно, трагических явлениях в нашем регионе. С другой стороны, всегда есть вера во что-то иррациональное. Это то, что в России было

всегда, что помогает «вытащить» проблемы этого региона и каким-то образом укрепиться. Но если говорить о глобальных подходах к этим вопросам, то мне кажется, нужно рассматривать их в том русле, в котором начал обсуждение Тагир Даутович. Например, почему нет какого-то ясного понимания подходов к развитию Дальнего Востока РФ, почему не выработана концепция? Вообще важен вопрос, а насколько Дальний Восток является русским? Ведь Дальний Восток был присоединен к России тогда, когда наша страна была империей, затем — Советская империя. Конечно, можно поспорить, был ли Советский Союз империей. Тем не менее важно одно: в рамках этих империй Дальний Восток четко выполнял свою функцию — это был форпост России, это было продвижение России к Тихому океану, утверждение здесь Российского флага, как говорили в Российской империи, или форпоста социализма, как его рассматривали в Советском Союзе. Империи сейчас нет, а имперское наследие в виде российского Дальнего Востока осталось. И Россия-то не понятно что: то ли это национальное государство, то ли это некая евроазиатская цивилизация — еще не выработано общего подхода. Поэтому и существует, на мой взгляд, эта неопределенность — она объективна, ее никто не может преодолеть. Я считаю, что и в отношении Европы и США у нас также нет стратегии, хотя документов и заявлений много, потому что Россия сейчас на распутье, у нее нет ничего утвердившегося, фундаментального, что могли бы разделить элита и основная масса населения. Поэтому имеют место противоречия в отношении политики России на Тихом океане и в Восточной Азии, в отношении российского Дальнего Востока.

Единственное, что реально можно сделать — это конкретные региональные проекты. Например, ПТЭК, о котором уже говорил Тагир Даутович, проект на острове Большой Уссурийский в Хабаровске, по которому летом велись переговоры с китайцами. В Благовещенске новый губернатор Кожемяко

взял на себя инициативу, вероятно, желает стать лидером в российско-китайском региональном сотрудничестве. В Благовещенске проводится много разных конференций, советов и т.д. Может быть, на этом уровне начнет что-то проявляться в сфере интеграции. А что касается глобальных задач — вхождения России в АТР, интеграции России в АТР — это пока все будет на уровне заявлений, на уровне деклараций, и я боюсь, что нас ждет много разочарований. Сейчас идут грандиозные стройки в рамках саммита АТЭС-2012, включая мосты, федеральный университет, но как бы эти «Нью-Васюки» после 2012 года не аукнулись нам: здесь «вбухают» огромные средства, а эффект будет либо нулевым, либо мизерным.

Реплика: Мосты останутся!

Кожевников А.Е. Мосты... Я про федеральный университет.

Кожевников В.В. Спасибо. Прошу Вас, Валерий Юрьевич.

Мишин В.Ю. *(заведующий Центром региональной безопасности ИИАЭ).* Я хотел бы порассуждать об одном из положений, которое прошло красной нитью по всему докладу. Это проблема национальной безопасности, в первую очередь, ее составная часть — региональная безопасность в контексте обстановки вдоль границы Тихоокеанской России в целом и Приморского края, в частности. Я хотел бы продемонстрировать это на примере отдельно взятого государства, которое является доминантой в проблемах безопасности в нашем регионе. Безусловно, речь пойдет о севере Корейского полуострова.

Я совершенно согласен, что среди угроз, с которыми сталкивается Тихоокеанская Россия, наибольшей нестабильностью характеризуется ситуация на севере Корейского полуострова. КНДР стала горячей точкой в Северо-Восточной Азии. По моему мнению, о военной угрозе КНДР в отношении юга или США говорить не приходится, несмотря на воинственную риторику Севера. Вряд ли военно-политическое руководство КНДР решится на военную авантюру в силу не столько отста-

вания в современных технологиях и вооружениях, сколько из-за стратегического пространства. В случае развязывания войны против Южной Кореи естественным элементом начала боевых действий станет исход местного населения к границам России и Китая, так как больше уходить некуда. В том случае, если командование частей пограничных войск и Дальневосточного военного округа сможет правильно и своевременно рассчитать силы и средства, то закрыть 17-километровую границу с Северной Кореей не составит труда. Останется единственное так называемое даньдунское направление к границе с Китаем, но в этом случае потоки беженцев забьют рокады и тыловые дороги, что осложнит действия собственной артиллерии и авиации. Таким образом, Корейская народная армия (КНА) окажется в котле. Думаю, в генштабе КНА это хорошо понимают. Остается одно — ядерный шантаж.

Шестисторонние переговоры зашли в тупик. Чем и когда они завершатся, никому не известно. Сейчас бы российской стороне с учетом слабости ее экономических рычагов влияния на КНДР внести неординарное политическое предложение, а именно — синхронизировать шестисторонний переговорный процесс по отношению к КНДР с одновременными гарантиями безъядерного статуса Южной Кореи, Японии и Тайваня. Это не только поставит КНДР в определенные рамки, потребует от нее ответных шагов, но и послужит гарантией от «иезуитской» политики США. Пока же нет никаких гарантий, что США, добившись экономическими «посулами» безъядерных гарантий от КНДР, в определенный момент не дадут молчаливого согласия на разработку ядерных вооружений в Южной Корее, Японии или Тайване, что нанесет жесточайший удар по гарантиям национальной и региональной безопасности не только КНДР, но и в целом России.

В этом вопросе не сбрасываются со счетов возможности субъектов федерации. Я имею в виду положительный опыт и практику так называемой народной дипломатии. Руководство

КНДР ее уважает, относится с пониманием и готова к взаимному диалогу. Проводником этой дипломатии может стать любой человек, хорошо знающий проблему — губернатор, председатель Законодательного собрания или директор академического института.

Следующее предложение связано с озвученными Виктором Лаврентьевичем вопросами межрегиональных связей с ближайшими приграничными соседями. Я имею в виду тезис о введении в практику научного сопровождения международной деятельности Администрации Приморского края. Для этого наряду с официальными формами взаимодействия можно предложить руководству Приморья создать при губернаторе края внештатную группу из ведущих и авторитетных историков, политологов и экономистов, потенциал которых мог бы быть использован не только для мозговых штурмов, но и для участия в переговорах, международных спорах и делегационном обмене.

Второй вопрос, на котором я хотел бы остановиться — это угрозы интересам и безопасности России, в частности, рост военного потенциала и модернизация вооруженных сил стран Восточной Азии. В корне этой проблемы, с моей точки зрения, стоит один единственный вопрос: осознают ли руководители нашего государства проблему этой модернизации и что за ней может последовать? Честно говоря, здесь существуют большие сомнения. И вопрос заключается даже не в том, что наши военные, периодически участвующие в совместных российско-китайских учениях по линии ШОС, испытывая горечь после учений, рассказывают, как китайцы грузят на платформы наши БМП-3, в то время как на вооружении частей и подразделений Дальневосточного военного округа находятся устаревшие БМП-2. И тогда, когда китайцы показывают на учениях танковую атаку танками Т80-У, а нашим военным этот танк издалека показывают на Омском полигоне. Это одна сторона. С другой стороны, существует ли понимание того, что это действительно угроза?

Я хотел бы проиллюстрировать эту угрозу на примере значительного события, которое недавно у нас произошло — послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Тот, кто внимательно его слушал, особенно военную составляющую этого послания, испытал легкий холодок. Наш Верховный Главнокомандующий озвучил предложение о том, чтобы Министерство обороны активней закупало современные вооружения. Смею напомнить: в Основном Законе страны прописано, что наши вооруженные силы оснащаются всеми видами вооружения и довольствия, а не приобретают их. Тот, кто писал это послание, видимо, «перепутал» Пентагон, который закупает оснащение и вооружение для американской армии, с нашим Министерством обороны. И это прозвучало из уст Верховного Главнокомандующего. Вот в этом, видимо, и проблемы понимания Москвой и руководителями федеральных структур того, что происходит здесь у нас.

Кожевников В.В. Спасибо, Валерий Юрьевич. Перед тем, как предоставить слово следующему комментатору, я хотел бы задать Виктору Лаврентьевичу вопрос, связанный с выступлением Валерия Юрьевича, потому что я для себя в тексте доклада сделал много пометок. И один из вопросов, который Валерий Юрьевич затронул — рост военного потенциала, при этом раскрываются два последствия такого роста: «...нарастание напряженности у границ с Россией в связи с последствиями возможного обострения отношений с ее соседями. Самым серьезным вызовом для Москвы будет ее позиция в случае обострения конфликта вокруг Тайваня». Точка, и больше ничего. О корейской проблеме и Корейском полуострове почему-то ничего не сказано. Вот я и хотел бы уточнить, почему Вы обошли стороной Корейский полуостров.

Ларин В.Л. Потому что по Корейскому полуострову позиция России ясна. У России, в общем-то, нет выбора. А вот тайваньский вопрос — это проблема. В случае, если возникнет вооруженный конфликт вокруг Тайваня, какую позицию зай-

мет Россия, кого она поддержит? Исходя из всех резолюций и документов, подписанных с Китаем, она должна поддержать Китай, но вот последствия... Сами понимаете...

Кожевников В.В. Нет, это я понимаю, но почему в докладе нет корейской проблемы?

Ларин В.Л. Только из-за того, что это настолько очевидно.

Толстокулаков И.А. *(заведующий Центром корееведения ИИАЭ, д.и.н.).* Виктор Лаврентьевич, вы правы в том, что корейская проблема очевидна. Но она очевидна сегодня только на первый взгляд. Решение корейской проблемы — это дело отдаленной исторической перспективы, и с этим нельзя не согласиться. Но каким образом она будет решена и насколько пострадают от этого интересы России и Дальнего Востока РФ, об этом можно говорить уже сейчас. Я несколько раз говорил о том, что будущая объединенная Корея должна быть как минимум позитивно-нейтральной в отношении Российского государства, а начинать работу по обеспечению этого позитивного нейтралитета необходимо сегодня. Поэтому, если говорить о тех угрозах, которые стоят перед Россией и российским Дальним Востоком, то, с точки зрения будущей интеграции в АТР, эта угроза очень серьезная. И не заострить на этом внимание, исходя только из того, что она понятна, это не совсем верно. Это первое, что мне хотелось бы сказать.

Второе. У Вас в докладе говорится о невнятности позиции и политики России в АТР. Но, мне кажется, нужно особо подчеркнуть, что даже то, что есть — это исключительно декларации, а сами действия категорически непоследовательны. Сегодня говорилось о существовании около 20 различных программ по развитию Дальнего Востока и об экономической интеграции России в АТР. Но ведь проблема в том, что решения по этим вопросам, во-первых, непоследовательны, во-вторых, не доводятся до конца. И, скорее всего, в этом виновата власть — и центральная, и региональная. На эту декларативность и непоследовательность тоже необходимо обратить внимание.

Далее, Вы правильно говорите о необходимости наработать критический интеллектуальный потенциал, ведь сегодня, когда этой критичности нет, интеллектуальное сообщество не молчит, и Ваш доклад — это яркий тому пример. Александр Евгеньевич, наверное, правильно говорит о том, что этот доклад — провокация, но это провокация нужная и своевременная. Пока мы этой критической массы не достигли, власть нужно призвать к тому, что надо прислушиваться, что сегодня говорят один, три, пять, десять человек. Мне хочется заострить внимание на том, что власть глуха к тому, что сегодня обсуждается в научном сообществе, и действительно сегодня необходим механизм для того, чтобы если не «заставить» власть прислушиваться, то хотя бы показать — есть научный потенциал, готовый ей помочь. Вы, Валерий Юрьевич, об этом сказали, предложив создать совет при губернаторе и т.д. Как это будет, это уже детали. Я считаю, что это необходимо отразить в докладе.

И, наверное, совсем небольшой нюанс: Южная Корея у Вас в докладе является государством, в котором процветает национализм, а КНДР попала в списки «экстремистов». Но и КНДР тоже очень националистическое государство, поэтому, думаю, нужно убрать в докладе слово «Южная», чтобы показать, что и КНДР сегодня в определенной мере является националистическим государством.

Еще один болевой момент, который может возникнуть через некоторое время — это позиция Китая в отношении КНДР как военно-политического союзника и, возможно, элемента ханьского этноса. Вы помните, какой скандал в 2004—2005 гг. разразился между Республикой Кореей и Китаем в связи с тем, что китайцы попытались высказать сомнения по поводу того, что когурёский этнос — это этнос корейского народа. Эта карта может всплыть в любой момент. Поэтому там, где Вы говорите о национализме, проблему тоже можно было бы отразить. А так, конечно, доклад очень интересный и действи-

тельно провокационный, необычный для научного сообщества. Я надеюсь, что он будет опубликован и попадет в руки тех, кто принимает политические решения.

Кожевников В.В. Виктор Лаврентьевич, перед тем как Вы прокомментируете предложения Игоря Анатольевича, Александр Евгеньевич кое-что хочет добавить.

Кожевников А.Е. Игорь Анатольевич говорил о власти, которая принимает решения. Я, к сожалению, не взял документ, обнаруженный в Интернете недели две – три назад. Недавно Министерство регионального развития объявило конкурс на разработку концепции приграничного и межрегионального сотрудничества. В этом конкурсе участвовали 6 коллективов, включая МГИМО с его профессурой и докторами, в общем очень солидный состав. И оказалось, что конкурс выиграло некое ООО «Политбюро», о котором вообще никто не знает, которое где-то случайно «засветилось». Если МГИМО предложило разработать эту концепцию за 15 дней, то это ООО — за три дня. Вот, пожалуйста, как власть принимает решения.

Ларин В.Л. Спасибо за замечания по корейской проблематике, я их, безусловно, принимаю, особенно замечания по корейскому национализму, когурёской проблематике. Что касается замечаний в адрес власти, то, если честно, просто надоело ее ругать. Когда я делал доклад на Президиуме ДВО РАН, сразу сказал, что моя цель не критиковать власть – это бесполезно и бессмысленно, и в данной ситуации это не поможет. Во власть сегодня только ленивый камни не бросает. Поэтому в докладе минимум критики в адрес властей.

Мишин В.Ю. Мы не критикуем, мы предлагаем.

Ларин В.Л. Нет, я о том, что Игорь Анатольевич говорил по поводу декларативности, непоследовательности. Вы знаете, я уже лет пятнадцать на эту тему пишу, и ничего не меняется. Тема по когурёской проблематике очень полезна и интересна. Александр Евгеньевич, по поводу всех этих конкурсов можно еще много таких примеров привести. Например, кто

писал последнюю стратегию развития Дальнего Востока? Команда, которую возглавляет Меламед И.И. Что тут говорить? Как выигрываются все эти тендеры...?

Кожевников В.В. И для чего они выигрываются. Так, пожалуйста...

Девятинина О.Г. *(Отдел по общественным связям Думы г. Владивостока).* Я прошу прощения, здесь так много умных мужчин, что я уже не могу молчать. Конечно, мы, женщины, должны высказаться, хотя бы в моем лице. И так как я представляю женскую точку зрения, мне хотелось бы вернуться к конкретным аспектам.

Первое, я внимательно прочитала доклад, и мне он очень понравился. Здесь так много говорилось, что это вовремя, и я согласна, что о проблемах, с которыми мы столкнемся в ближайшем будущем, говорить необходимо сегодня. Второе, опираясь на свою женскую логику, я сразу поняла, что самое ценное в докладе — это страница 12-я, на которой сформулированы конкретные предложения. Позиция, с которой сформулированы эти предложения, близка мне и понятна. Сейчас я объясню почему. Все говорят здесь о будущей и настоящей интеграции. Мы живем во Владивостоке, и живем в стихийной интеграции: выйдите на улицу, пройдите к рынку, где вы покупаете продукты, и вы с ней столкнетесь. И это нормально, с этим надо как-то жить. Естественно, говорить о том, что кто-то решит за нас эти проблемы, неправильно — это региональный уровень, это уровень субъекта федерации, и как мы будем жить в Приморье и решать эти проблемы — зависит от нас.

И еще один аспект. Где-то последние лет пятнадцать я профессионально читаю газеты, сначала я их читала в администрации г. Владивостока, затем в Думе. Для того чтобы определить, что же газеты написали, что интересное и заслуживающее внимания и что может быть интересно первым лицам города. Меня всегда интересовала, в том числе и китайская

тематика, так как Китай — это наше все. Я жду, когда же у нас появится хоть одно китайское издание, которое будет лоббировать китайские интересы, но его до сих пор нет. Меня, если честно, это очень озадачивает.

Другая проблема — как наша пресса относится к нашим соседям, ведь мы фактически «через стенку» живем. Можно увидеть три позиции. Первая — это кошмар. Вторая — для нас это неприятно, но надо как-то с этим жить. Третий вариант — нет, к этому надо относиться хорошо, это перспективно. Все эти три точки зрения — на одну тему, но единой-то нет. Я ни разу не встречала какой-то интерпретации этой проблематики в какой-либо житейской ситуации, которая была бы понятна человеку. А что мы получаем в результате? Если нет внятной концепции, тогда что же мы расскажем, как все жители Приморского края должны воспринимать это?

Я понимаю, у людей из разных социальных слоев совершенно разные интересы, но тем не менее должна быть какая-то общая концепция. А для того чтобы эта общая концепция существовала, я еще раз обращусь к той странице доклада, где совершенно правильно прозвучало предложение о том, что на уровне Администрации края, Законодательного собрания, т.е. на уровне региональной власти, все эти вопросы должны решаться. Эта практическая часть мне очень понравилась. Конечно, доклад будет издан, мы надеемся, будет прочитан, станет фактом для обсуждения, но жить нам надо здесь и решать в своем доме свои проблемы. Мне кажется, что аспект этого документа, в первую очередь, важен для нашей территории.

Иванов С.А. *(м.н.с. Центра внешней политики и международных отношений Китая ИИАЭ).* Виктор Лаврентьевич, может быть, я слишком прямолинеен, но мне кажется, в Вашем докладе есть противоречие. В чем оно заключается: посыл доклада ясен — надо интегрироваться в Восточную Азию. В то же время в докладе выделены две угрозы. Первая — это усиление иностранного капитала в экономике Дальнего Вос-

тока, вторая — критический уровень технологической, продовольственной, сырьевой зависимости.

В принципе, первую угрозу можно свести ко второй. Вопрос в том, есть ли зависимость и почему мы говорим, что это угроза, почему это не благо? Получается, говоря о том, что существует критическая зависимость, мы воспринимаем интеграцию в Восточную Азию как угрозу. А можно ли говорить о том, что она критическая? Мы вывозим сырье, но поставки-то, в принципе, диверсифицированы. Если посмотреть на внешнеторговый оборот Дальнего Востока, то можно увидеть, что мы вывозим примерно одинаково и в Японию, и в Китай, и в Южную Корею, причем Китай не на первом месте по экспорту дальневосточного сырья.

То же можно сказать о продовольствии. Да, существует зависимость от того же Китая, и Вы упомянули ситуацию, которая возникла на Дальнем Востоке с ценами на яблоки, когда Китай ввел карантин на их вывоз. Вряд ли стоит опасаться, например, полного запрета на вывоз определенной продукции из Китая — ведь не меньшее количество людей в Китае зависит от торговли с Россией, это ударит и по ним. Даже если запретят вывоз определенных продуктов, мы сможем легко восполнить «дыры» продуктами из других стран, покупая то же китайское или другое продовольствие. О технологической зависимости — можно говорить, что вся Россия, полмира зависят от китайской техники и промышленного оборудования.

Ларин В.Л. Не только китайской.

Иванов С.А. Да, конечно, и не только китайской. Мне кажется, что это все не угрозы, а лжеугрозы, которыми мы пугаем Москву, чтобы она на нас обратила внимание. В Москве же эти угрозы воспринимают слишком серьезно и, гипертрофируя их, отказываются от идеи интегрировать Дальний Восток РФ в Восточную Азию, наоборот, стараются привязать эти территории к Центру. Например, решение уменьшить количество часовых поясов — по сути, это сужение к Центру всего пространства России.

Отталкиваясь от этого, я хотел бы перейти к задачам. У Вас обозначены три задачи, и на первом месте стоит улучшение жизненного уровня населения Дальнего Востока. Мне кажется, это не самая главная задача, потому что, если даже государство будет вливать большие деньги в улучшение уровня жизни дальневосточников, это только законсервирует существующие проблемы, но никак их не решит. Поэтому, возможно, стоит поставить во главу угла последнюю задачу — пути использования АТР и стран региона в целях развития Дальнего Востока. Может быть, даже переформулировать ее как создание механизмов самостоятельного выживания региона без помощи Центра.

Я, конечно, не говорю о создании Дальневосточной Республики или отделении от Москвы. Но тем не менее необходимо понимать, что, если мы разработаем концепцию того, как использовать страны Восточной Азии в целях собственного развития, маловероятно, что наши интересы совпадут с их собственными, а им до нашего Дальнего Востока нет никакого дела.

Кожевников В.В. Как раз первый пункт является следствием третьего пункта.

Ларин В.Л. Сомневаюсь, что если первое поставить на третье место, то это приведет к решению первой проблемы. Отнюдь нет. Все-таки здесь сформулирована задача не повышения уровня жизни, а обеспечения достойной жизни, а это вещи очень разные. Обеспечение достойной жизни — это предоставление нормальной работы для интеллектуального потенциала, который существует. Сколько из вашего выпуска осталось во Владивостоке?

Иванов С.А. Процентов, наверное, 30.

Ларин В.Л. Где оставшиеся 70%? Китай и Москва. Почему? Потому что здесь нет достойного применения их квалификации, знаний и т.д. Я подразумеваю под достойным уровнем

жизни целый комплекс факторов, кстати, я, говорил о том, что это очень дорого, но без этого, как был Дальний Восток сырьевой территорией, так ею и останется. Я даже нашел другое сравнение. Чем Дальний Восток станет, если всего этого не будет. Станет добывающим карьером транснациональных корпораций и всемирным полигоном бытовых отходов. Вот чем будет Дальний Восток России. Если к нему по-прежнему будут относиться как к периферии, как к колонии, то это нас и ждет. Вот 30% осталось, а кто у нас сегодня улицы подметает, кто занимается строительством? Таджики, китайцы. Меняется качество населения. Какое можно создавать производство, активизировать кооперацию, когда некому работать. Если сегодня возрождать производство на Дальзаводе, то кто будет работать? Квалифицированных рабочих нет, системы подготовки этих рабочих нет, я не знаю, кто там будет гайки закручивать. Кстати, забыл задать вопрос Тагиру Даутовичу. Вот будет «Соллерс» на Дальзаводе гайки закручивать, это кооперация или что?

Хузиятов Т.Д. Кооперация. Примитивная, но кооперация.

Ларин В.Л. Вот, видите, примитивная кооперация, и это вместо того, чтобы ремонтировать современные суда.

Хузиятов Т.Д. На самом деле, у нас будут в Приморском крае две зоны судостроения.

Ларин В.Л. Кстати, еще один фактор. Кто-то сегодня уже высказывался по поводу совмещения программ развития Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Но обратите внимание: в перечне инвестиционных проектов, которые могут быть реализованы на российской стороне, нет ни одного, который можно было бы отнести к категории высоких технологий.

К вопросу о противоречии. Наверное, оно есть, согласен. Но я уже говорил об отсутствии критериев для оценки угроз экономической, продовольственной, технологической безопасности. Я таких не знаю. Может быть, Тагир Дауто-

вич как экономист знает такие критерии. На каком уровне возникают угрозы технологической зависимости и угрозы безопасности? И тем более, я это говорил, все-таки о России. Сегодня мы используем не наши технологии. Не так давно в Президиуме ДВО РАН было совещание, связанное с информационной безопасностью, и оно было посвящено технологическим аспектам, использованию оборудования импортного производства для проведения научных исследований. Где гарантия того, что в компьютеры, которые мы покупаем, не заложены специальные программы, которые передают все, например, южнокорейской разведке, поскольку это «Самсунг».

Хузиятов Т.Д. Виктор Лаврентьевич, в этом случае нас должно утешать то, что информация идет в Южную Корею не только из России, но и из США, Японии...

Ларин В.Л. И в Китай тоже идет... Тем не менее спасибо за замечания по поводу этих противоречий. Я чувствую, что есть определенные сложности в понимании сути интеграции Дальнего Востока в Восточную Азию. Да, я, безусловно, согласен, что иностранные инвестиции нужны. Но те же самые японцы, американцы не везде допускают иностранные инвестиции, у них есть ограничения.

Кожевников В.В. В продолжение молодой тенденции критиковать директора своего института руку тянет Евгений Пустовойт. Но ladies first Ольга Георгиевна, пожалуйста, слово Вам.

Девятинина О.Г. У меня только одна реплика. Я хочу зацепиться за то, что важна информационная подача. И как она подается, является большой проблемой. Например, читаю сегодняшний номер «Золотого Рога» и думаю, заинтересует начальство эта информация или нет. В Партизанске открыто швейное производство: из 369 рабочих мест 361 принадлежит китайцам. Как эту информацию расценить: радоваться, переживать, огорчаться?

Хузиятов Т.Д. В принципе, возможны два подхода. Первый: китайцам достается больше, чем нам. И этот подход, увы, преобладает. Но надо задаться вопросом — с приходом 360 китайцев нам здесь стало лучше или хуже?

Кожевников В.В. Надо учитывать еще один момент — сколько было заявлений со стороны наших сограждан на это предприятие? Возможно, они сами не хотят там работать, поэтому приглашают китайцев. Все это неоднозначно.

Мишин В.Ю. В докладе есть четкое, понятийное определение — научное сопровождение тех мероприятий, которые осуществляются властями. Из этого определения нужно исходить.

Кожевников В.В. Спасибо, понятно. А теперь слово предоставляется второму представителю нашего молодого поколения исследователей.

Пустовойт Е.В. *(сотрудник Центра внешней политики и международных отношений Японии ИИАЭ).* Я прочитал внимательно Ваш доклад. И хотел бы повернуть вопрос по-другому: здесь говорится, что интеграция в Азию есть угроза для России. Но хотят ли сами страны Азии видеть Россию в АТР? На бытовом уровне, по своему личному опыту, по опыту других людей, я видел, что Россию боятся и не хотят ее видеть на политическом, экономическом да и на любом другом уровне. Она в регионе не нужна, так мне открыто говорили. Я спрашивал у корейских студентов: вот ваша Корея, а там, наверху что находится? Показываю на Россию, они отвечают, что не знают, что там находится. У китайских студентов из провинции Фуцзянь спрашиваю, они тоже не знают, что находится севернее Китая.

Когда я был на практике в Японии, при одном упоминании о том, что я русский, от меня все шарахались. Они не хотят видеть русских в своем регионе. Потому что это опасность, потому что они не знают, что можно ожидать от русских. Например, в баре была ситуация просто шоковая. Два амери-

канца сидят, пьют пиво, подходят русские. Американцы их спрашивают: вы что тут делаете? Наши отвечают: мы тут базу военную открываем. Американцы встают и в панике быстро уходят из бара. О чем это говорит? Нет никакой информации о том, что происходит в Азии. Может быть, необходимо, чтобы Россия как-то передавала положительную информацию о себе этим странам, осуществляла создание центров, проводила более широкий студенческий обмен. Без этого нас в регионе не захотят видеть.

Ларин В.Л. Евгений, вот вам в перечне — негативный имидж России в странах региона.

Пустовойт Е.В. Это просто мое мнение и личный опыт.

Хузиятов Т.Д. Сразу возникло дополнение к перечню тех предложений, которые необходимо реализовать — рекомендовать Министерству обороны в кризисных ситуациях отправлять студентов в бары иностранных государств, чтобы они говорили об открытии российских баз.

Афонин Б.М. *(старший научный сотрудник Центра внешней политики и международных отношений Японии ИИАЭ, к.и.н.).* Я буду очень краток, поскольку уже было много выступающих. Хочу дополнить Ольгу Георгиевну, в частности, о средствах массовой информации. Мне кажется, что в докладе, и Евгений Пустовойт об этом упомянул, необходимо пару строчек уделить проблеме средств массовой информации. Наши СМИ очень часто играют негативную роль, и по Китаю уже были приведены примеры. Давно решен территориальный вопрос с Китаем, граница демаркирована, тем не менее иногда появляются сообщения, что мы потеряли территории, наш Даманский, наш Большой Уссурийский.

Такая же ситуация и в случае с Японией, затрагивается только территориальная проблема. Недавно читаю газету «Никкей», ведущую деловую газету Японии. В ней статья на тему, состоятся ли очередные шестисторонние переговоры; перечисляются позиции всех стран, а России нет, хотя говорится о «шестисторонних» переговорах.

Существует масса подобных примеров. Я в свое время делал доклад о роли СМИ. Но, Виктор Лаврентьевич, мне кажется, что эту проблему можно было бы включить в доклад. Госдума еще не приняла закона о средствах массовой информации, поэтому у нас пишут, кто что хочет. Я думаю, что у российского правительства нет четкой политики в отношении стран Восточной Азии. В этой ситуации необходим широкий комплекс мер, включая экономические, политические, социальные, законодательные. И они должны работать. Это обязательно.

Ларин В.Л. Спасибо, Борис Михайлович. У меня опыт взаимодействия с прессой достаточно богатый и нередко бывает негативным: им говоришь одно, а они пишут другое. Но последний сюжет мне очень понравился. На днях я получил письмо от Валерия Александровича Тишкова, академика, директора Института этнологии и антропологии РАН, его многие знают в России и за ее пределами. Письмо это с сопровождением: он пересылает мне свои ответы на вопросы газеты АиФ. И в приложении предлагает ответить на вопросы газеты, потому что его собственные ответы газету не устроили. Вопросы касались китайской миграции, Китая как угрозы и прочее. Ответы Тишкова были весьма четкими, корректными. Я почитал вопросы газеты, его ответы, и пишу: «Валерий Александрович, я не считаю целесообразным даже связываться с этой газетой, потому что почти по всем вопросам я полностью с Вами согласен. Газету же интересует только «жареное». Я не буду им ничего отвечать». Пресса наша пишет не о реальности, а о том, что возбуждает публику. Это свойственно подавляющему количеству газет, а если мы берем Интернет, то, что там пишется, можно охарактеризовать как ужас. Поэтому, Борис Михайлович, ответственность прессы не помешает, но что-то изменить в условиях рыночных механизмов, я думаю, невозможно.

Девятинина О.Г. Года два назад читаю газету «Новости», которая пишет, что мэром города Владивостока может стать китаец. Через два часа это висит на РИА-новости, на всех сай-

тах. С утра мы пришли на работу, а Москва нам пишет: что мы будем делать? Мне кажется, Москва даже ждет каких-то страшных новостей с Дальнего Востока и подтверждений своих самых серьезных опасений.

Ларин В.Л. Это в продолжение проблемы восприятия Дальнего Востока в России. Раньше писали, что у нас тигры по улицам бродят, сейчас — что китайцы. Самое главное, это восприятие существует на уровне массового сознания, ведь пресса пишет о том, что хочет услышать читатель. Сегодня в прессе популярнее всего три категории новостей: страшилки, интимная жизнь, кто умер или кто что украл.

Кожевников В.В. Кто еще хочет высказаться? Все, больше мнений нет. И, наверное, только я не высказался. Я подходил к докладу как к будущей публикации. Не буду делать замечаний по конкретным абзацам, предложениям и фразам, постараюсь оформить это в целостный блок. Первый вопрос. Почему, Виктор Лаврентьевич, Вы полностью уклонились от экономической составляющей и цифровых данных, которые, на мой взгляд, подтвердили мысль о том, что Центр уделяет мало внимания Дальнему Востоку РФ, почему Вы не показали, каково реальное финансирование? Этот количественный материал мог бы убедительно показать, относится ли Центр к Дальнему Востоку как к своей колонии. Без цифр, на мой взгляд, получилось слегка декларативно. Тезисы есть, но они не подкреплены одной—двумя цифрами.

Ларин В.Л. Если брать цифры, то сегодня окажется, что Центр уделяет огромное внимание Дальнему Востоку — 700 млрд. руб. только на программу развития Дальнего Востока. Но речь идет о том, что это шаги временные, нацеленные на решение конкретных задач. Это не система. Были еще и большие вливания, когда строили оборонительную линию на советско-китайской границе или когда строили БАМ. И что в результате?

Кожевников В.В. Виктор Лаврентьевич, почему я и задал этот вопрос — если мы опубликуем доклад без комментария,

который Вы сейчас дали, то люди будут говорить, что сейчас вложено столько денег в Дальний Восток, и Центр уделяет огромное внимание региону. Но если Вы оговорите вышесказанное коротко, то никто не сможет Вас упрекнуть, что утаиваете цифры и не делаете анализа. В противном случае, люди действительно могут сказать, что заявления в докладе голословны. Мне кажется, важно показать обманчивость этих вливаний, ведь главная тенденция совсем другая. Второй вопрос чисто теоретический. Вы постоянно подчеркиваете мысль о сохранении европоцентризма в мышлении россиян и политике российского правительства. Мне кажется, что говорить о европоцентризме в мышлении россиян — это не очень точно, тем более — о проблемах идентичности. Здесь у Вас фраза в докладе: «Совокупность всех факторов создает серьезные предпосылки для вымывания и, по большому счету угрозу общероссийской идентичности, осознанию жителями региона принадлежности к общему историческому и культурному пространству, объединенному в понятии «Россия»». Получается, что местные жители уже ощущают или будут ощущать себя не россиянами, но, по-моему, это слишком ответственное заявление.

Кожевников А.Е. А мне кажется, что как раз в этом-то и суть.

Толстокулаков И.А. Это утверждение совершенно справедливо.

Кожевников В.В. Я понимаю, почему это сказано, на уровне внутреннем и бытовом никто себя не отделяет от России. Но это моя точка зрения.

Ларин В.Л. А Вы молодежь спросите.

Хузиятов Т.Д. Если спросите людей, вы русские? То они, конечно же, ответят, что они русские. Но реально посмотрите, если куда-то едут, то не на Дальний Восток; если что-то купил, то опять же не свое. Поехал студент на стажировку, но не в наши российские университеты.

Кожевников В.В. Это понятно. Это выбор места жительства. И даже студенты, обучаясь в США, Китае, Японии, со-

бираются в так называемые землячества, и российскую идентификацию не теряют. Я говорю о том, что эта проблема двойственна.

Ларин В.Л. Я отвечу, сославшись на изменение тональности нашей прессы. Если помните, в начале 1990-х гг., когда писали о китайской экспансии, то на нее смотрели как на что-то страшное. А не так давно «Комсомолка» публикует статью о китайской экспансии и в конце резюме: а может быть это не так и плохо быть под китайцами? Это что? Это определенный крен в сознании людей. Раньше, помните, был анекдот: «Давайте завтра объявим войну Японии, а послезавтра сдадимся». Но сегодня я уже не думаю, что это анекдот. Для нас это уже что-то другое, особенно для молодежи.

Кожевников В.В. Я согласен. Но надо задуматься, во-первых, почему это происходит и, во-вторых, в каком это идет ракурсе, потому что здесь не отказ от идентичности и самоидентификации как россиянина. Это вызвано условиями жизни, и мы сегодня много говорили, что у нас планы не выполняются, нет профессионалов, учить уже некому. Ведь систему профессиональных рабочих, которая долго существовала, поломали. Всю систему поломали. Поменяли и ментальность молодежи. У старого поколения сложилась одна ментальность: работа ради идеи и т.д., а у молодежи другая ментальность. И никто, кроме российской элиты, и нас самих, не виноват. Я не настаиваю, а просто делюсь своими мнениями и впечатлениями. И еще некоторые моменты. Мне кажется, когда в тексте Вы употребляете такие выражения, как «самая большая опасность в том, что в борьбе за «великие», но совсем не бесспорные «идеалы России», не были бы принесены в жертву интересы нескольких миллионов россиян, проживающих на ее восточных рубежах». Вот эта мысль о «великих идеалах» повисает и не объясняется.

Кожевников А.Е. Здесь, наверное, имеется в виду проблема автомобилистов и другие.

Кожевников В.В. Причем здесь автомобилисты, здесь идут чисто философские мысли.

Ларин В.Л. Я могу конкретизировать. Да, речь идет совсем не об автомобилистах. Главная идея — идея интеграции. Как эта проблема у нас сегодня решается в российском понимании? Протянули трубы ради интеграции, но когда мы тянем трубы по заповедникам — это мелочи, мы не замечаем их. Когда мы чуть не «угробили» Байкал — это тоже мелочи, так как есть великая идея — интеграция. Вот что здесь подразумевается. Опять же строительство НПЗ севернее Находки — экологи бьют тревогу, убеждают, что завод там строить нельзя, Находку загубите, морской заповедник загубите. Вот о чем идет речь.

Кожевников В.В. Я согласен с Вами полностью, но не каждый расшифрует это, и фраза повиснет. И последний вопрос. Он, может быть, чисто риторический, смешной немного. У Вас в финальной части есть выражение: «Однако проектирование трудной и неизбежной для России дороги на Восток требует фундаментальных знаний к пониманию региона», я полностью согласен. А для чего эта дорога на Восток? У Вас так и не описана эта мысль в докладе.

Ларин В.Л. По-моему, весь доклад этому посвящен.

Кожевников В.В. Нет, весь доклад как раз показывает, что нас сюда не пустят. Но что мы будем иметь от интеграции — вот этого, к сожалению, не прозвучало. Для чего этот «мост» на Восток, мы так и не увидели...

Ларин В.Л. Я думаю, всем здесь присутствующим нет смысла объяснять, для чего нужен этот мост на Восток.

Кожевников В.В. Александр Павлович, вы еще хотели что-то добавить.

Герасименко А.П. *(заведующий Отделом информационных технологий ИИАЭ).* В силу важности темы, которую мы обсуждаем, я бы предложил помимо публикации доклада попасть на местное телевидение. Это было бы очень неплохо не

только в плане популяризации материала во властных структурах и научном сообществе, но и для общественности.

Кожевников В.В. Коллеги, у кого-нибудь еще есть замечания? Таковых нет, поэтому переходим к заключительной части.

Ларин В.Л. Коллеги, я хотел бы поблагодарить вас за столь внимательное отношение к этому докладу, за его прочтение, за комментарии и замечания. Действительно, это очень полезно. Проблема в том, что нельзя объять необъятное, и можно еще много говорить на эту тему. Я изначально предупредил, что взял только один аспект этой большой проблемы, стремился посмотреть на нее изнутри, а внешний аспект еще более широк и сложен. Благодарю всех за участие. Будем надеяться, что наши мысли дойдут до власть придержащих и окажут свое воздействие.

Кожевников В.В. Спасибо большое. Уважаемые коллеги, у нас сегодня на «круглом столе» выступили 12 человек и некоторые — не по одному разу. Мне кажется, что получился очень интересный, плодотворный разговор. Спасибо всем за участие, и Виктору Лаврентьевичу персональное спасибо за то, что он представил не провокационный, а взрывной и будоражащий доклад.

Научное издание

Виктор Лаврентьевич Ларин

Азиатско-Тихоокеанский регион в начале XXI века
вызовы, угрозы, шансы Тихоокеанской России

Редактор Г.И. Суббот
Корректор В.К. Форостовская
Электронная правка Л.М. Шуркаева

Подписано к печати 5.02.2010 г. Формат 60х84/16
Уч.-изд.л. 4,25. Усл. Печ. Л. 5,81.
Тираж 150 экз. Заказ № 14.

Отпечатано в отделе информационных технологий Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Адрес: 690001, Владивосток, Пушкинская, 89, тел. 22-20-72,
электронная почта: ihae@eastnet.febras.ru
WEB-сайт: www.ihaefe.org